

Подымый Край

ВЫСТАВКА
ВИБАНОЛ 57

РОДИМЫЙ КРАЙ

Орган общеказачьей мысли.
Издатель: Донское Войсковое Объединение.
Association des Cosaques du Don
Arr du Ministre de l'Int. J.O. 70 1955

PAYS NATAL Janvier-Février 1968
№ 74 — Январь-Февраль 1968 г. 4 фр.
Parait tous les 2 mois. Directeur: *Bogaevsky*.

Редакционная Коллегия: Б. А. Богаевский,
А. И. Клочков, В. М. Кузнецов, А. П. Падалкин,
Н. Н. Туроверов, Б. Н. Уланов.
Адрес редакции:

V. BOGAEVSKY
230, Av. de la Division-Leclerc
95 — Montmorency
France

ПО ПОВОДУ 50-ТИЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Москва отпраздновала этот юбилей. Им внимал мир и посылал свои приветствия.

Хотя по поводу Московских юбилеев высказались многие эмигранты, однако, и особенно, нам, казакам, есть о чем сказать и отдать должное юбилярам.

С помощью враждебной России Германской власти и ее финансовой поддержки весной 1917 г. прибыл в Петроград Ленин.

Ни Вр. Правительство, ни иные органы законной власти, ни жизненные интересы великой страны и ее народов Ленина не интересовали. Его цель: большевистская революция и захват государственной власти в Петрограде, пожар революции зажечь по всей стране и перебросить ее в иные страны. Развал России был в интересах воюющей с нею Германии.

В феврале 1917 г. в Петрограде, Москве и некоторых других больших городах России организовался Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. В него, кроме большевиков, входили и другие социалистические партии, как в орган Революции, как влиятельный вспомогательный Вр. Правительству орган.

Ленин со своими товарищами всеми средствами и способами старался захватить Советы в свои руки и сделать их органом своей власти. В помощь Ленину на всем пространстве страны и фронта действовали его товарищи.

Казачество, м. б., одним из первых осознало и почувствовало грядущие беды от развала страны и фронта.

В виду возрастающего в стране безвластия, Казачьи Войска в своих Областях обратились к старинным своим государственным органам: Войсковым Кругам, Войсковой Раде и избран-

ной и ответственной перед ними власти.

Вр. Правительство организовало т. н. «Совет Вр. Рос. Республики» или «Предпарламент» из представителей партий, общественных управлений и персонально авторитетных лиц. Но этот Совет был орган совещательный.

Первая попытка захвата власти в государстве большевиками была сделана в Петрограде в июле 1917 года. Солдаты держали нейтралитет. Это выступление большевиков было подавлено Донскими казачьими частями.

В июне 1917 г. Войско Донское впервые за 200 лет избрало Донской Войсковой Круг. Он собрался в Новочеркасске. Его Председателем был избран М. П. Богаевский. Этот Круг выбрал Донским Атаманом казака Усть-Хоперской станицы Усть-Медведицкого округа ген. от-кавалерии А. М. Каледина.

Июльская попытка большевиков захватить государственную власть не была тогдашней государственной властью понята во всем ее значении и не представлялась серьезной угрозой государству. Но все же Вр. Правительство созвало Московское Государственное Совещание из представителей российской общности и Казачества. На этом Совещании особенно знаменательным было выступление представителя всего Казачества в лице Донского Атамана А. М. Каледина. Он выразил взгляды и настроение Казачества. Выступление Атамана Каледина исчерпывающе обрисовало всю безотрадную обстановку и опасность, в которых уже очутилось государство, и необходимость принятия чрезвычайных мер для оздоровления фронта и тыла.

На этом Совещании участие принимал и Верховный Главнокомандующий ген. Л. Г. Корнилов.

Выступление на Московск. Госуд. Совецании ген. Каледина и Корнилова немного позже стало для Вр. Правительства основанием мобилизовать против Дона два военных округа и приказа ген. Каледину явиться в Могилев и предстать перед Следственной Комиссией, как сообщнику ген. Корнилова. Последний вместе с ген. Деникиным и др. были арестованы и посажены в Быховскую тюрьму. Ген. Каледину было предъявлено обвинение в измене Родине — чисто провокационное. Так как ген. Каледин был Донским Атаманом, он, прежде всего, был обязан дать отчет перед Д. В. Кругом.

Председатель Донского Правительства М. П. Богаевский объявил свой знаменитый «Сполох», призвав членов Д. В. Круга в Новочеркасск на заседание Круга. Заседание было открыто Председателем Правительства. В. Круг своим Председателем избрал Н. М. Мельникова.

Круг выслушал своего Атамана, давшего пространное объяснение о своей поездке по Области и категорически опроверг все выставленные против него обвинения.

Д. В. Круг Атамана оправдал, дав ему приказ Дона не покидать. Д. В. Круг вынес Постановление в форме древнего Донского казачьего принципа: «с Дону выдачи нет». О решениях Круга было сообщено Вр. Правительству. Последнее признало свою ошибку в отношении мобилизации против Дона и приказа о явке ген. Каледина в Могилев.

Тем временем Лениным и его партией подготовка к захвату государственной власти продолжалась. И 25 октября ст. ст. состоялось второе выступление большевиков против Вр. Правительства. На этот раз его никто не защищал, если не считать слабый «Женский батальон» и группу юнкеров.

Вследствие саботажа железнодорожников, кавалерийский корпус, главным образом, из Донских казачьих частей, под начальством ген. П. Н. Краснова, задержался на пути и не мог во время прибыть в Петербург.

И ничтожными силами из матросов и маленькой группы солдатских частей большевикам без труда удалось занять в Петрограде «командные высоты».

Последний символ Российской власти — Вр. Правительство пало.

Ленин установил в Петрограде власть «Совета Народных Комиссаров».

И с этого момента прошло пятьдесят лет.

И это событие, как «Великую Октябрьскую Революцию» ныне пышно отпраздновали московские диктаторы.

Но уже с первого момента появления «Со-

вета Народн. Комиссаров» под председательством Ленина, как государственной власти, его не признало Войско Донское в лице своего Атамана и Правительства. Вслед за ними власть «Сов. Нар. Комиссаров» не признало и все Казачество.

Почему Казачество не признало власти большевиков?

Потому, что это была власть чисто захватническая. Это была власть не народная, не национальная, не правовая и не демократическая.

Это была лишь диктатура Ленина и подчиненного ему партийного органа «Сов. Народн. Ком.». Демократическая природа Донского казачества не могла принять диктатуру ничтожного меньшинства народа, тем более диктатуру партии большевиков.

Чтобы привлечь к себе сочувствие и поддержку масс-рабочих и крестьян, Ленин и его партия ни пред какими обещаниями не останавливались. Рабочим — фабрики и заводы, крестьянам — вся земля, национальным меньшинствам национальное самоопределение вплоть до отделения, солдатам немедленное прекращение войны и мир без аннексий и контрибуций, народу вся власть и т. д.

Но все обещания большевиков-коммунистов остались без исполнения.

Под титулом национализации частного капитала и имущества в пользу неимущих происходил повсеместный грабёж. Под формой «колхоза» произошло новое закрепощение крестьянства. Под формой «совхоза» введен монополярный государственный капитализм с полным лишением права рабочим защищать свои интересы. Единственным хозяином и распорядителем и «колхоза» и «совхоза» и всего достояния народов СССР стала коммунистическая партия, точнее, ее диктаторы.

Не права народам России, а полное их закабаление принесли коммунисты. Право национального самоопределения народов свелось к самому жестокому централизму под неограниченной властью Коммунистической партии, ее диктаторов. Коммунистическая власть как была, так и осталась интернациональной. Она разогнала Всероссийское Учредительное Собрание — единственный признанный на основе права, морали и национальных интересов институт.

Советско-коммунистическая власть существовала и существует только для самое себя. Ее основная и перманентная задача-распространиться и утверждать себя во всем мире. Для нее не существует проблемы национальных интересов и национального благополу-

чия. Она отвергает самые элементарные права человека.

Она ведет беспощадную борьбу со всеми видами духовного и материального творчества, признавая и поддерживая только то, что укрепляет и распространяет коммунистическую власть, точнее, диктаторов данного момента.

Под видом борьбы с религиозными «предрассудками» коммунистическая власть 50 лет ведет небывало беспощадную борьбу против всякого духовно-морального начала, против религиозной совести и общественных начал. Все органы советско-коммунистической власти существуют только для того, чтобы, утверждая ее, перенести ее на весь земной шар.

Этой цели в жертву приносятся все духовные и материальные силы и ресурсы страны и народов СССР.

Страна, вывозившая хлеб, вынуждена была его покупать за границей. Потребности еды, одежды, крова, культурного общения и развития широкой массы народа и личности приносятся в жертву военной индустрии, вооружения, изобретению новых и новых видов оружия для снабжения ими многочисленных народов внешнего мира, чтобы среди них расширить свое влияние и укрепить коммунистическую власть.

Тысячи и тысячи дорого оплачиваемых за счет национального благополучия агентов и провокаторов Советы бросают на весь мир, дабы разложить, подчинить своему влиянию его народы.

Вот «благо», смысл и значение для мира того юбилея, который с таким торжеством отпраз-

дновила в Москве Советско-коммунистическая власть.

Донские казаки (как и все Казачество) 50 лет тому назад не признало этой власти. Годы боролось с нею, понесло неисчислимые жертвы людьми, неся потери самыми замечательными и талантливыми своими сынами и всем своим достоинством.

Казаки потерпели военное поражение, так как вынуждены были бороться фактически почти со всей Россией, ее восстановленной армией, снабженной вооружением и снабжением бывшей Империи. На стороне Советов стала большая часть Генерального штаба и значительная часть офицерства...

Однако и поныне ни на одно мгновение казаки не признали и не признают советско-коммунистической власти.

Мы глубоко убеждены, что эта анти-народная, анти-национальная власть фатально обречена на развал и крушение и это, может быть, случится не в далеком будущем.

Правду, Совесть человеческую, духовно-моральное начало, религиозную веру и убеждение, как и Право и Справедливость, начало Свободы нельзя убить...

Они победят.

«Возопиют камни под ногами» и дела нечестивых обратятся на содеявших их...

Вот то Слово Казачье, какое мы хотели сказать миру по поводу Московских ликований...

Нью-Йорк

Б. Н. Уланов

(Выступление на собрании Казаков в Нью-Йорке 19. 11. 67).

ДОНЦЫ НА ФРОНТЕ И РЕВОЛЮЦИЯ

К моменту революции на театре военных действий донских казачьих частей было: 60 кон. полков, из них 2 Гвардейских, 32 Кон. батареи, одна Гвард. бат., одна пешая бригада и более 100 отдельных «особых» сотен.

Я в 1915 году был на должности младшего офицера 12-й дон. каз. бат., 5-ая дон. кон. дивизия-полки 27-ой, 28-ой, 29-ый, 33-ий; 12-ая и 13-ая дон. кон. бат.

В 1915-16 годах в штаб дивизии из Петрограда приезжал профессор Н..., к сожалению, его фамилии не помню. Месяца за полтора до

революции он приехал опять. Был и у нас в батарее. Я отлично помню, что он говорил офицерам батареи о возможности близкого переворота и революции в России. Никто из нас профессору не поверил. В это время на всем фронте шла усиленная подготовка для весеннего общего наступления по всему фронту. Шло накапливание артиллерий, и различного специального оружия. В крепких блиндажах, близких к фронту, делались колоссальные запасы снарядов и патронов. Все с нетерпением ожидали «весну» и общее на-

ступление, о чем немцы, конечно, знали.

Чтобы знать, прав ли был профессор и какое основание было у него говорить о революции, надо сделать большое и необходимое объяснение. Можно его сделать только теперь, имея под руками различные книги, описывающие события того времени; книги которые за давностью лет теперь достать почти невозможно. Тогда (50 лет тому назад) на фронте ничего нам не было известно. Знали м. б. только люди тайно занимавшиеся вопросами политики. Казаки, да и не только казаки, не знают точных причин быстрого разложения Русской Императорской армии.

«Как могли в такой короткий срок, сильную с огромным историческим прошлым, десятиmillionную Армию, развалить в течении трех-четырех месяцев» — пишет ген. Деникин во 2-м томе своих «Очерков». «Прожив недели две в Харбине в конце ноября 1905 г. и проехав по сибирскому пути 31 день от Хабаровска до Петербурга, я составил себе ясное понятие, что можно ждать от разнужданных, лишенных сдерживающих начал, солдатских масс. И все тогдашние митинги, резолюции, и вообще все проявления воен. бунта, с большей силой, в несравненно более широком масштабе, но с точностью повторились в 1917 году».

«На фронте уже к октябрю 1914 года изсякли запасы для вооружения пополнений, которые стали получать на фронте сначала вооруженными на одну шестнадцатую, потом и вовсе без ружей. Наконец... была мобилизована вся частная русская промышленность под контролем вновь созданных военно-промышленных комитетов. В июле 1915 года получали по 33 парка, вместо затребованных — 50, а в сентябре, благодаря привлечению к работе частных заводов, приспособленных для выделки необходимого на фронте, получали 78. К концу 1916 г. армия обладала вполне достаточными боевыми средствами, чтобы начать широкую операцию на всем фронте».

В конце сент. Жоффр, Главком на Зап. фронте союзников, интересовался, достаточно ли имеет Русская Армия артиллер. снаряжения для продолжения военных действий. Военный министр Сухомлинов отвечал: «настоящее положение относительно снаряжения... не внушает опасения».

Катастрофа разразилась окончательно в 1915 году. При отступлении из Галиции не было ни патронов, ни снарядов. О причинах недостатка в Армии снарядов и др. вооружения очень ценные сведения дает А. Наумов: в книге «Из уцелевших воспоминаний».

13-го ноября 1915 года Наумов был назначен Управляющим Министерством Земледелия с оставлением членом Госуд. Совета по выборам от земств Самарской губ.

Он пишет: «До 1915 года Франция и Англия не принимают наших заказов, якобы из-за перегрузки своими. Япония, за 700.000 винтовок, хотела получить весь ост. Сахалин, получили от нее по сходным ценам 400.000 винтовок. В Америке, с начала войны Германия закупила все необходимое для воинского снаряжения».

«Уже в июле 1915-го года, среди законодательных и общественных кругов росло недовольство всем, что происходило на фронте и в верхах тылового управления; в самих войсковых частях и в рабочих массах все сильнее и ярче начали проявляться грозные признаки ожесточения гнева на «начальство» за неумелые распоряжения, причинявшие огромные потери в людях и территории. При выборах представителей от столичных рабочих в Военно-промышленные комитеты открыто раздавались общие возгласы: «Долой войну, Долой самодержавие». (Это говорил Наумову Петроградский вице-губернатор граф А. Н. Толстой).

«В целях выяснения причин недостаточного снаряжения действующей Армии, Государь в половине июля 1915 года приказал образовать Особую Верховную Комиссию из семи человек; четыре лица состоящие на Госуд. службе, два из среды Госуд. Думы и один член Госуд. Совета — А. Наумов. После расследования деятельности бывш. Воен. Министра, Верх. Комиссия представила в Госуд. Совет свое постановление о необходимости возбудить против Сухомлинова уголовное преследование по обвинению его в противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и в государственной измене» (А. Н. 11-318).

«29-го апр. 1916 года Сухомлинов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, но в октябре был освобожден и переведен под домашний арест. После февральской революции Сухомлинова вновь арестовали и предали суду. Правительствующий Сенат, с участием присяжных заседателей, признал Сухомлинова виновным и приговорил его к лишению всех прав состояния и к пожизненной каторге. В закрытом заседании Государств. Совета, 4-го авг. 1915 года военный министр А. А. Поливанов нарисовал тяжелую картину состояния фронтов, отметил полное отсутствие в армии запасных винтовок, снарядов и даже обученных солдат... а у нем-

цев, по его словам, во всем этом был избыток».

« 11-го авг. 1915 г. ген. Кузьмин-Караваев довел до сведения След. Ком., что у русских артиллеристов, по имеющимся у него сведениям, в данный момент имелось не больше двух снарядов на каждую пушку ».

Были образованы отдельные комиссии для расследования, как работали орудийные, ружейные и др. заводы, как они получали заказы... Наумов обследовал деятельность Царицынского оруд. завода. Свидетельские показания давали, начиная с простых рабочих, и кончая даже Великими Князьями.

Нач. главн. артил. управления ген. А. Манниковский показал, что — « Большая программа Воен. министерства... реорганизация армии и обеспечение ее всем необходимым... могла быть проведена полностью лишь к 1917 г. (Н. стр. 321). К началу войны было очень мало орудий тяжелой артил., недостаточно броневых автомобилей, биноклей, телефонов, телеграфных принадлежностей и пр. Авиация — только начинала развиваться. Поэтому с первых месяцев войны должны быть приняты меры по усилению отечественного производства и прибегнуть к заграничным заказам.

Наряду с Воен. министерством действовали совершенно самостоятельно Всероссийские Земские и Городские союзы, Военно-промышленный комитет, Красный крест и др. организации. Шло соревнование, что вносило путаницу в дело снабжения армии. Дело велось частью непосредственно с официальными представителями иностранных держав, а также и через представителей частных фирм, комиссионеров и ловких спекулянтов, что приводило к различному качеству получаемых заказов и различным ценам. При устройстве и оборудовании заводов не предусмотрели возможности быстрого расширения их производительности, что могло потребоваться обстоятельствами воен. времени. Частная промышленность совсем не была приспособлена для обслуживания военно-технических нужд. (Начала работать только с образованием Военно-промышл. комитетов — конец июля). При расследовании о Царицынском заводе, А. Наумов обнаружил много упущений и не добросовестного отношения к выполнению заказов администрацией завода. Для того, что бы избавиться от продолжения дальнейшего расследования, люди, занимавшие высокие посты в управлении государством, « устроили » А. Наумова на пост Управляющего Министерством Земледелия и он должен был оставить свой пост в Верх. Следст. комиссии.

С 1916 г. деятельность Верх. Следст. комиссии заметно стала ослабевать и в конце концов совершенно прекратилась. Вместо нее начало работу Особое Совецание по Обороне, и за один 1916 год оно смогло заготовить должное снаряжение и вооружение для всей многомиллионной Императорской Армии.

« Меня всегда интересовал вопрос: знал ли Государь о том, что творилось и что готовилось в России? — и теперь, разбираясь в книгах современников, можно сказать положительно: — « Да. Он знал » (А. Н.).

Еще в свое первое представление Государю в 1907 году А. Наумов докладывал о крестьянском разбое, грабежах, терроре и убийствах помещиков, поджогах усадеб и уничтожении конских заводов-расплодов, различных фабрик и т. п. Председатель Госуд. Думы Родзянко предупреждал Государя, что в стране существует большое недовольство тем, что Государыня Александра Феодоровна принимает деятельное участие в назначении Министров, их увольнении и в управлении Государством, что было известно не только занимающим Государственные посты, но даже и частным лицам.

У ген. Деникина, т. I-37, читаем: « К началу 1917 года крайне напряженная атмосфера политической борьбы в России выдвинула новое средство: « переворот ». В Севастополе больному Алексею представители некоторых думских и общественных кругов откровенно заявили, что « созревает переворот. Как к этому отнесется страна — они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут ».

« Ген. Алексеев указал им на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который по его пессимистическому определению и так непрочен держится, и просил во имя сохранения армии не делать этого ».

« Те же представители, говорит ген. Деникин, посетили ген. Брусилова и ген. Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение, подготовка « переворота » продолжалась ». А. Наумов в т. II ст. 298 пишет: « уже 19-го июля 1916 г. говорили в Петрограде о готовящемся перевороте ».

А. Деникин пишет, что « о готовящейся опасности стране и династии Государя опять предупреждали вдовствующая Императрица Мария Федоровна, вел. князь Алексей Михайлович, ген. Алексеев, ген. Гурко, протопр. Шавельский, Пуришкевич. И опять предупреждал письменно Председатель Госуд. Ду-

мы Родзянко, хотя он через ген. Алексеева, за предыдущее свое письмо, получил от Государя письменный выговор».

Известно письмо вел. кн. Николая Михайловича от 1-го ноября Государю, — «о порядке назначений министров при посредстве среды окружающей Императрицу, о необходимости устранения постоянного вторгательства темных сил в управление Государством», «Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, новых покушений»... Так закончил свое письмо вел. князь.

Никакие предупреждения о возможной опасности на Государя не подействовали. «В первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования его из ставки в Петроград. Предложить Государю отречься от Престола, а в случае несогласия физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник — Алексей, а регентом Михаил Александрович».

Но... судьба решила иначе. На фронте, совершенно неожиданно, получили манифест Государя об отречении Его и за сына от престола в пользу вел. князя Михаила Александровича.

Приведу очень интересное сообщение, о котором и сейчас мало кто знает. «Поздно ночью поезд 2-го марта со стан. Дно уносил отрешающегося Императора в Могилев, где при свидании с ген. Алексеевым он, государь, глядя на него усталыми ласковыми глазами, как то нерешительно сказал: — Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград».

«На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея. Ген. Алексеев унес телеграмму... и не послал. Было слишком поздно — стране и армии объявили уже два манифеста. Телеграмму эту ген. Алексеев, «чтобы не смущать умы», никому не показал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование». (Ден. «Очерки», т. I-54).

Затем последовал манифест Вел. Князя Михаила Александровича, в котором он писал:

«Я принял твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего... Прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству». (Д. т. I-55). В томе I, стр. 60, читаем: «Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое

произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя».

Все эти, совершенно неожиданные, события казаки приняли совершенно спокойно, т. к. все происшедшее было утверждено согласием и волею Монарха. Казаки спрашивали офицеров — что же будет дальше? Как все это произошло? Чем было вызвано? Почему отрекся Государь? Где он находится? Почему войска не защищали Его от врагов внутренних?

На все эти вопросы офицеры им ответить не могли, так как сами ничего не знали и не имели никаких сведений, как это произошло. На фронте, немедленно за манифестами, появился приказ № 1-ый Совета Солдатских и Рабочих депутатов.

Иосиф Гольденберг, член Сов. сол. депутатов и редактор газеты «Новая Жизнь», говорил французскому писателю Клод Анэт: «Приказ № 1-ый не ошибка — необходимость. Он является единодушным выражением воли Совета... Мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию» (Д. т. I-66).

Приказ № 1-ый: 1) выбрать немедленно комитеты из представителей нижних чинов, 2) по одному от каждой части в Сов. С. и Р. деп. 3) воинская часть подчиняется в политическом выступлении своим комитетам, 4) все приказы исполняются только если они не противоречат приказам Сов. С. и Р. деп., 5) все оружие находится только под контролем комитетов и офицерам не выдается, 6) солдаты пользуются правами всех граждан; отдавание чести отменяется, и 7) вводится новое титулование офицеров — господин генерал и т. д. Обращение к солдатам на «ты» отменяется.

Об этом приказе ген. Деникин пишет: «он привел к переходу фактической военной власти к солдатским комитетам, к выборному началу и смене солдатами начальников... приказ давший первый толчок к развалу армии». Это был приказ о правах солдата, но не об их обязанностях. Он явился первой ласточкой разложения Русской Армии, уничтожения дисциплины в частях и неподчинения приказам своих офицеров.

У нас в батарее с получением этого приказа сразу почувствовался «появившийся холодок» в отношениях казаков со своими офицерами, хотя все приказы еще выполнялись точно. А когда выбирали батарейный комитет, в состав которого лучшие казаки и урядники не хотели попасть. то казаки перестали задавать офицерам различные политические вопросы, т. к. остерегались попасть «на за-

метку» членов батар. комитета.

На фронте, один за другим, непрерывно получались приказы Врем. Пр-ва, распоряжения, объяснения, дополнения... Часто и даже раньше в противовес этим приказам, во фронтовые части поступали категорические приказы Петрогр. Сов. Сол. и Раб. депутатов, который выполнял все инструкции партии большевиков, объявившей солдатской массе лозунги: «Немедленный мир без аннексий и контрибуций», — «мир хижинам — война дворцам», — «земля и воля народу». Мир и все то, что хотели солдаты, уставшие от войны...

Обманутая солдатская масса поверила большевикам и пошла за ними. Сотнями пудов, фронт засыпался большевистскими бесплатными газетами «Правда», «Окопная правда», «Социалистический вестник» и др. (Деньги на пропаганду и разложение армии давал большевикам немецкий генеральный штаб). Солдаты, призываемые газетами к «немедленному миру» с противником, не хотели больше воевать. На фронте началось «братание» с немцами. Шел обмен и торговля хлебом, водкой, папиросами. Немцы снабжали солдат газетами на русском языке с обвинением Вр. Пр-ва и ком-состава Армии в нежелании начать переговоры о мире, к которому так стремились солдаты, и использовали это «братание» для развития широкой сети шпионажа. Иногда артиллерия, чаще казачья, по приказу из штаба, открывала огонь и разгоняла «братающихся». Конечно, это усиливало рознь между солдатами и казаками. Армия разваливалась все больше и больше. И... наконец началось дезертирство солдат с фронта. В ближайших к фронту тылах скопилось масса дезертиров. Не хватало поездов для всех стремящихся вглубь России. Солдаты самочинно захватывали поезда, переполняли их до отказа. Лезли на крыши, стояли на буферах, что часто приводило к несчастиям со смертельным исходом.

Войти в вагоны было невозможно и лезли через окна. Для скорейшей отправки поездов вне росписания дезертиры прибегали к насилью над начальниками станций. В тылу начались грабежи, насилия над мирными жителями, уничтожение различных заводов, фабрик, государственного имущества и т. п. Местные власти, поддерживающие порядок, не могли и не имели возможности справиться своими силами с бесчинством дезертиров.

Необходимо было спешно принять специальные меры для охраны ближайшего к фронту тыла. И опять прибегли к помощи казаков и регулярной кавалерии, где еще

сохранилась дисциплина. Были и сохранившие еще дисциплину части-пехотинцы, но их было слишком мало. Более продолжительное время порядок сохранялся в гвардейских, артиллерийских и кавалерийских частях и у казаков, которые только по приходе на Дон отказались выполнять приказы и разошлись по домам, дав возможность большевикам захватить Донскую Область.

«Дон. Лет.». т. II стр. 9, указывает, что казачьи полки, отдельные и особые сотни, кроме службы связи и разведки, получили назначение нести еще службу по борьбе с дезертирством и охране тыла. В мае месяце 29 казачьих полков и отдельных сотен были заняты этой службой. В июне месяце их было уже 45 полков и до 65-ти отд. сотен. К сожалению, о кавалер. полках, занятых этой службой, сведений нет. Эта неблагодарная служба создавала неприязненное, а часто даже и враждебное, отношение солдат к казакам. Давала много лишних поводов для агитации и натравливания большевиками солдатской массы на казаков-«старорежимников, защищающих Вр. Пр-во, как раньше защищали царское».

На фронте у Донцов долгое время из дома вестей не было и... не знали казаки, что там творится. Пришел запоздалый приказ Вр. Пр-ва о выборе комитетов. Казаки не признавали Сов. С. иР. деп., а признавали Вр. Пр-во и Совет Союза Казачьих Войск, работавший в контакте с Вр. Пр. У нас в батареинном комитете председателем выбрали нестроевого старшего разряда (писарь) А. Саламатина. Он был очень груб, озлоблен и недоброжелателен в отношениях с офицерами за то, что не получил ни одной боевой награды. Преследовал офицеров и придирался ко всякому удобному случаю, чтобы создать им лишнюю неприятность. (На Дону в начале янв. 1918 года в хуторе Чеботовка по его настоянию в 12-ой батарее были арестованы и отправлены к большевикам в ст. Каменскую три офицера. 13-ая дон. батар. не арестовала ни одного из своих офицеров).

Только батар. комитетам было дано право при Вр. Пр-ве награждать отличившихся офицеров и казаков. Причем и для офицеров и казаков награждение было одинаковым образцом креста (так называемым солдатским) с добавлением к нему на ленте «веточки». Она указывала, что крест получен через постановление комитета части.

В начале революции наша дивизия занимала позиции по болотистой, зимою незамерзающей, широкой, со многими островками, реке Стоход (направление Сарны-Ковель). В ты-

лу, в 4 кил., была ж. д. станция Софиевка. В конце апреля дивизию передвинули на несколько десятков килом. к северу по р. Стоход, в район сел Малое и Большое Морочно. При нашем переходе туда, мы в пути встретились с 27-ой пех. дивизией. Все чины ее были украшены красными бантами и имели красные кокарды. В это время у нас в батарее (да и во всех частях дивизии) еще никто не носил «революционных отличий».

«Почему Вы, казаки, не носите красных бантов?» говорили злобно солдаты. «Значит, вы не за революцию?», спрашивали они с добавлением нецензурной ругани. Началась довольно острая и сильная перебранка, скоро прекратившаяся, т. к. части, не останавливаясь, разошлись в различных направлениях. При первой же остановке батареи «на отдых» большинство казаков и прапорщик Н. одели красные банты. Вечером «на привале» батар. комитет вынес постановление: «всем офицерам и казакам батареи одеть красные банты». Часть офицеров игнорировала постановление и бантов не одела. На Дону в янв. 1918 г. все они были батар. комитетом арестованы и отправлены в ст. Каменскую в распоряжение военного трибунала большевиков, занявших в то время станицу, но конвой, их сопровождавший, освободил и красным не передал.

Постепенно и казаки на фронте, под влиянием пехоты, начинают митинговать, проводят выборное начало, новыми выборными командирами, в большинстве случаев, остаются старые. — Нелюбимым офицерам, расцениваемым придиричиво-строгими, выносят недоверие, а некоторых комитеты удалили из частей за «несоблюдение казачьей копейки». Ношение красных бантов у казаков долго не задержалось. У нас в батарее урядники и офицеры сняли их одновременно. Вскоре за ними, один по одному, снимали и казаки. И с красными повязками на правом рукаве остались только одни члены батар. комитета.

Нашим соседом в районе сел Морочно была 177-ая пех. дивизия, ежедневно проводившая вооруженные митинги, на которые казаки батареи, по постановлению комитета, не ходили. А некоторые случаи указали на то, что пехотинцы боялись трогать казаков. На одном из митингов было принято решение арестовать штаб дивизии и начальника див. ген. Миллера. Арест не состоялся только потому, что казаки батареи (12-й) через свои комитеты заявили, что будут защищать штабных офицеров и до самосуда не допустят. И, в виде угрозы, заняли позицию батарейными орудиями — двумя в районе штабдива. Нужно еще

подчеркнуть, что служба казаков была очень тяжелая и неблагоприятная. В казачьих частях дезертиров не было. Несмотря на специально усиленную пропаганду большевиков среди казаков, они продолжали точно исполнять все получаемые распоряжения для прекращения безчинств пехотных солдат. Все же, постепенно и казаки начали поддаваться под влияние большевистской агитации. Стремилась на Дон, с нетерпением ждали приказа Атамана «идти домой». Но в силу сложившейся обстановки на фронте и в тылу Атаман ген. Каледин не считал возможным отдать такой приказ. Это привело к тому, что казаки-фронтовики стали выражать недовольство своим Атаманом.

В половине августа дивизию из района Морочно передвинули на охрану свекло-сахарного района городов Шпола-Смела. Артиллерийский дивизион стоял в местечке Васильково. В этом районе дивизия простояла приблизительно до начала октября. Было известно, что большевики готовят новое восстание для свержения Временного Правительства и захвата власти по всей России. Дивизию передвинули ближе к гор. Киеву в район дачной местности Боярка. Уже здесь казаки от большевиков агитаторов знали, что в гор. Киеве они поднимут восстание.

Батарейный комитет вынес постановление о «нейтралитете», в случае движения дивизии в гор. Киев. Об этом было заявлено штабу дивизии. Знали об этом и большевики в городе и украинские части, которым было сообщено об этом решении. 13-я батар. тоже заявила о своем нейтралитете. Но все же 28-го окт. 1917 г. к вечеру уже вся 5-я дон. каз. кон. дивизия была введена в город, без сопротивления со стороны большевиков. Очевидно, как показали следующие дни, они хотели, чтобы казаки ушли из города, соблюдая свой «нейтралитет», и потому не хотели ввязывать казаков в бой. Об этом времени надо писать отдельную статью, т. к. в печати описания этого нигде нет.

Но все же, я коротко коснусь пребывания нашей дивизии в гор. Киеве. Штаб дивизии находился в Киево-Печерской Лавре, оторванный от своих полков. Полки дивизии умышленно по сотням размещались далеко одна от другой; так же, как и батареи, которые не имели никакого прикрытия. 12-я батар. находилась на Меловой ул. на «Меловом дворе» с большим двором и конюшнями, где были извозчики города. Связь была только посыльными, т. к. телефонная связь сразу была большевиками уничтожена.

В течении двух дней шли переговоры ко-

манующего войсками, верными правительству, с украинцами, и пришли к соглашению, что казаки и все не украинские части должны оставить город, так как никаких большевиков в Киеве нет. Ночью 30-го октября дивизия оставила Киев. Каждой отдельной части дивизии были присланы специальные проводники от большевиков, которые со специальным паролем благополучно вывели дивизию за город. Ночевали в городке Николаевского Артил. училища. Рано утром 31-го окт. на ближайшей станции ж. д. к училищу были поданы составы вагонов. Погрузка шла очень быстро, торопились железнодорожники. К вечеру в городе уже началась вооруженная борьба с украинцами. От их командующего был получен нами телеграфом приказ идти в город. «Зачем, сказал дивизионный командир, там нет большевиков». В

ночь эшалоны двинулись на Дон. В эти же дни ноября последовал приказ донским казакам идти домой на Дон. Вместе с дивизией уехали на Дон юнкера, кто хотел офицеры из города, были даже и семейные штатские люди, т. к. казаки и комитеты брали к себе по вагонам всех, кто пришел на станцию к погрузке и кто хотел уехать с ними. Я знаю подробности пребывания казаков в Киеве, так как два дня со взводом батареи, два орудия, находился при штабе ген. Жилинского, командующего войсками верными Правительству. Офицеры, юнкера, казаки, корниловцы и рота чехов, подошли еще бригада кубанских и бригада уссурийских казаков, они не были вооружены, так как состоялось «соглашение». И их помощь уже не была нужна.

США.

М. Бугураев

ПЕРЕКЛИЧКА

I

Убиенные подростки-подголоски
Поют в небесной тишине.
К нам долетают отголоски
Казачьих песен в вышине.
Ремнем могучий опоясан
Казачий стан. И старики
Им отвечают низким басом:
Мы казаки! Мы казаки!

II

Одиноко сижу я в тоске;
Но чарка не дрогнет в руке:
Я за казачество пью,
За светлую долю свою,
За счастье быть казаком!

Н. Туроверов

АСТРАХАНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

(Краткий исторический очерк)

Началом образования Астраханского казачества следует считать 1556 г. — год покорения Астраханского царства и взятия Астрахани ратью Иоанна Грозного, когда какая то часть донских, гребенских и волгских казаков, бывших в московском войске, там осталась.

Последующие крупные события в истории Астрахани, в которых принимали участие

приходившие казачьи отряды пополняли их ряды, так как какая то часть казаков оседала в Астрахани. 1605-06 гг. она была взята и разграблена донскими и гребенскими казаками, в 1614 г. временно захвачена вольницей Заруцкого, бежавшего сюда в конце Смутного Времени вместе с женой Лжедмитрия Мариной Мнишек и ее сыном «воренком Иваш-

кой», объявленным Заруцким царем всей Руси. Но скоро Астрахань была взята царскими стрельцами, а Заруцкий казнен.

Через 50 лет, в 1667 г., Астрахань была взята Ст. Разиным, вскоре ушедшим вверх по Волге, но оставившим своего наместника Ф. Шолудяка со значительным отрядом казаков. Но и Шолудяк, кстати проявивший себя хорошим администратором, продержался недолго: вскоре в Астрахань вошла царская рать, а Шолудяк, бывший первое время на свободе «под надзором полиции», был схвачен и казнен. В 1705 г. в Астрахани взбунтовались стрелецкие полки. Восстание было вызвано притеснениями местных властей, непосильными податями и распоряжениями Петра носить платье немецкого образца и брить бороды. Ходили слухи, что Петр хочет установить новую веру и отдать всех русских девиц насильно замуж за немцев. В подавлении восстания, принявшего большие размеры, участвовали и донские казаки. В 1706 г. Астрахань сдалась царским войскам.

Но все это время правильной организации Астраханских казаков не было. Часть их несла городскую службу или охраняла границы от кочевников, другие занимались рыболовством, а некоторые «добывали зипуны» на Волге или на Каспийском море.

В 1737 г. при Анне Иоанновне было решено организовать казачье население Астрахани. Указом Военной Коллегии было приказано сформировать Астраханскую казачью команду из 100 человек казаков и 20 новокрещенных калмыков. В таком виде команда просуществовала недолго — к 1742 г. калмыки разбежались, уведя с собой казенных лошадей. Но тем не менее, в 1750 г. команда эта была преобразована в Астраханский казачий военный полк в 600 человек. С этой даты в царской России считалось старшинство Астраханского Войска, т. е. это была дата его официального образования. Для поселения полка в 5 верстах на Юго-восток от Астрахани была создана станица Казачебугровская. Организованное таким образом, Астраханское каз. Войско несло регулярную кордонную и охранную службу. Высылались казаки и для охраны рыбных и соляных промыслов, составляли кордоны по Волге и на почтовых трактах в Калмыцкой и Ногайской степи. Ряды казаков непрерывно пополнялись вольными людьми, так что в 1762 г. правительство запретило принимать в казаки «бродяг и беглых людей».

В 1764 г., при Екатерине Великой, вверх по правому берегу Волги, по распоряжению властей, были основаны станицы Дурновская,

Лебяжинская, Замьяновская, Городофарностинская, Сероглазинская Копаневская, Витлянская, Грачевская. Распоряжениями правительства Астраханское Каз. Войско все увеличивается: в 1784 г. к нему присоединена Енотаевская команда городских казаков, в 1786 г. — Черноярские и Красноярские городские казаки, в 1801 г. — Саратовские, Камышинские, Царицынские городские казаки, в 1802 г. — остатки Волжского Казачьего Войска, большая часть которого за участие в Пугачевском движении была переселена на Кавказ и позже вошла в состав Терского Каз. Войска. В Астраханском Войске волгские казаки образовали станицы Александровскую и Пичигинскую.

В 1803 г. количество строевых казаков Астраханского Войска достигало 1600 человек. В 1808 г. астраханские казаки составляли три полка, а с 1816 г. и одну полуроту конной артиллерии 6-тиорудийного состава.

В Отечественную войну астраханцы воюют против французов в рядах русской конницы, а часть их в 1813 г. находилась на персидской границе. В 1823 г. 2-ой Астраханский каз. полк принимал участие в делах против лезгин в Дагестане, в 1828 г. и в 1877 г. во время войн России с Турцией астраханские каз. полки находятся на Кавказском фронте, в 1828 г. участвуют в войне с Персией.

В начале этого столетия в мирное время Астраханское Войско составляло I конный полк и с 1906 г. один взвод в Лейб-Гвардии Сводно-Казачий полк. В 1-ую Мировую войну астраханцы выставили три конных полка, одну запасную сотню и конную батарею.

До революции главное управление Войска находилось в Астрахани. В административном отношении оно делилось на два отдела (правление 1-го было в Енотаевске, 2-го — в Камышине), должность Наказного Атамана выполнял астраханский военный губернатор. Населяли казаки 18 станиц: Александровскую, Ветлянихскую, Грачевскую, Городофарностинскую, (позже Атаманскую), Дурновскую, Замьяновскую, Зинзенинскую, Казачебугровскую, Дубовскую, Кошкинскую, Копановскую, Карантинную, Лебяженскую, Николаевскую, Пичужинскую, Серноглазинскую, Вольскую и Черноярскую. Главным занятием казаков низовых станиц было скотоводство, затем рыболовство. Верховые станицы занимались земледелием. Перед революцией коренных казаков было около 50-ти тысяч. Строевая форма была такой же, что и у донцов, с той лишь разницей, что погоны и лампасы были желтого цвета.

После революции Астраханским Войско-

вым Кругом Войсковым Атаманом был выбран старый казак Т. Соколов. При нем в сентябре 1917 г. было принято важное решение о зачислении 250 тысяч калмыков в Астраханское Казачье Войско. Вскоре на место Т. Соколова Войсковым Атаманом был выбран известный писатель генерал-майор И. А. Бирюков, автор «Истории Астраханского Казачьего Войска» в 3-ех томах, казак станицы Сероглазинской.

Как и во всех казачьих Областях астраханские казаки не подчинились октябрьскому захвату власти большевиками. 4-го января 1918 г. казаки в Астрахани восстали против коммунистической власти. 25 дней продолжалось восстание, но в конце концов оно было подавлено превосходящими силами красных. В конце января Атаман И. А. Бирюков, его помощник полк. Г. М. Астахов и небольшой отряд астраханских казаков отошел в калмыцкие степи. Через месяц красные в одной из станиц захватили ген. Бирюкова, отвезли в Саратов и там зверски замучили.

Весной и летом 1918 г. начались восстания против красной власти в разных станицах Войска, но они имели разрозненный характер и кончались неудачей. Много казаков из низовых станиц ушли на восток к уральским

казакам и там вступили в ряды Уральской Армии. Верховые казаки, главным образом происходившие из остатков Волгского Войска, станицы Пичуженская и Александровская, ушли к донцам. В станице Морозовской Донского Войска была сформирована Астраханская Казачья дивизия, состоявшая из одного полка астраханских казаков и трех полков австрах. калмыков. Она входила сначала в состав Астраханской армии, затем была переведена в Кавказскую. В ее составе дивизия принимала участие во всех боях на Царицынском и Черноярском направлениях и много голов астраханских казаков полегло в калмыцких степях, на донских и кубанских равнинах. Атаманом Астраханского Каз. Войска стал Ляхов.

Вместе с остатками Добровольческой и Донской армий астраханцы попали в Крым, и снова степи Таврии оросились кровью астраханских казаков. В Крыму астраханцы доблестно сражались до самого конца. Потом эвакуация, Лемнос, балканские страны, Франция...

Париж.

По материалам
Г. М. Астахова

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УРАЛЬСКОМ ОТДЕЛЬНОМ ФРОНТЕ. ВЕСНА 1919 г.

(Продолжение № 73)

Итак, г. Илек был сдан большевикам 6-го января, а Уральск — 11 янв. 1919 г.

Части Илецкого фронта полк. Балалаева за 5 дней разницы в сдаче городов могли свободно пройти расстояние в 150 верст, придти в Уральск до 11 янв. и принять там участие в боях. Произошла какая то неувязка, несогласованность действий по недостатку ли связи или по иным причинам. Согласно приказу, полк. Балалаев по сдаче Илека повел свои части Бухарской стороной на Уральск, но почему то с Бурлинского базара (45 верст от Илека) свернул с прямого пути и пошел на Куспу к СВ от Уральска. По пути была указана дневка, затем вновь повернули на Уральск и, в конце концов, потеряв связь, пришли под Уральск лишь 12 янв.

Для получения последних сведений о судьбе Уральска пришлось прибегнуть к помощи

« хабара ». « Хабар » — это « беспроволочный киргизский телеграф ». Его существование в степях является вещью поразительной и скорость передачи сведений изумительной. Не доходя верст 30 до Уральска, части остановились на ночлег, а я с пор. Новиковым (оба мы свободно говорили по киргизски) поехали дальше к киргизским аулам, в 6-7 верстах от Менового двора под Уральском. Для получения сведений (новостей) необходимо соблюдать известный церимониал. Киргизов называют азиатскими французами за их вежливость и за соблюдение установленных церимоний в обращении между собой. Заехав в один двор в ауле, мы были приняты хозяином, который видя нас хорошо одетыми, на хороших конях, хорошие сани, работников (вестовых) с нами, пригласил нас внутрь. Когда же была вынута царская 10-тирублевка,

чтобы хозяин с ее «помощью» распорядился поместить наших коней, накормить их, а для нас резать барашка и варить «бишбарман» (вареная баранина с лещешками из теста) — лед растаял и мы были приняты как «бай-кунаки». Вежливость требовала не говорить сразу о главном, но в начале справиться о здоровье хозяина, детей, его дворни, благополучно ли со скотом, не беспокоят ли волки, а уже потом о «катын» — о женах во множественном числе. И только тогда, когда придут друзья-соседи хозяина (это обязательно и без приглашения, если варят барана и есть гости), рассевшись на полу на кошмах-подушках, как бы между прочим, задается вопрос «Ниден Хабар бар» — «Какие новости?»

Киргизы необыкновенно наблюдательны и что мы казаки и офицеры им стало известно через нескольких минут знакомства, при взгляде на нашу одежду, упряжку коней. Вообще к казакам они относились хорошо, но переселенцев и иногородних не любили. Себя они, киргизы, называли «казак» совершенно отчетливо произнося обе буквы «а» и «к». Нас называли «Урус-казак», а иногородних «карачекмень» (черный зипун).

«Хабар» был таков, что «болшавик» находится в Теке-Кала (Уральск), а казаки в «Свыстун» — так казаки между собой и киргизы называли Круглоозерновскую, и что сегодня не стреляют и «мы думаем, что заключили мир».

Переночевав в ауле, утром вернувшись в отряд, мы доложили «Хабар» полк. Балалаеву. Наши части повернули к Уралу ниже Круглоозерновской станицы и расположились в аулах против пос. Владимирского и Кушума. Полк. Балалаев и Сводный полк с пулеметной командой перешли Урал и расположились в самом поселке Кушуме, где находился штаб нашего фронта. Таким образом, действительность противоречит тому, что написал ген. Акулинин («Гражданская война на Уральском фронте»), что «после сдачи Уральска Илецкие части потеряли связь с центром и казаки разъезжались по домам». К счастью для Войска, этого не было...

Большевики, заняв Уральск, свою власть в стороны не распространяли, а захватили лишь узкие полосы для связи со своими базами: железную дорогу Уральск-Саратов и Уральск-Бузулук, через станицы Красновскую, Соболевскую, Илек, Новосергеевку, станицы Мухрановскую и Мустаевскую.

Станицы вверх по Уралу Трекинская, Рубежинская, Кирсановская, Иртецкая, и Студеновская были свободны от большевиков, и

поэтому полки этих станиц после сдачи Уральска, из за растерянности Войск. Правительства, отсутствия раненого ген. Мартынова, не получая приказаний оставаться на фронте, как было принято до этого, по окончании боевых операций разъехались по домам. На это их решение повлияло также и то, что по сдаче Уральска много частей сгруппировались в районе Круглоозерновской, тыл был забит беженцами и из за неожиданности событий все терпели большой недостаток в довольствии и фураже.

Полки же Илецкого фронта полк. Балалаева не разъезжались по домам, а в силу тех же недостатков питания, по установлению связи с Центром, отодвинулись глубже в степь с задачей действовать на правом фланге Армии, открытом после крушения Оренбургской Армии.

Ген. Акулинин пишет, что «во время борьбы Уральского Каз. Войска с большевиками обнаружилось много дефектов(?) в жизни Войска и ненормальностей в способе ведения борьбы. Героизма, доблести, самопожертвования было проявлено много, но порядка в Войске было мало...» В его статье много критики, много деталей, которые не имели места, да к тому же он не отдавал себе отчета в наших возможностях. Совершенно верно, что многого не хватало в Уральск. Отд. Армии, чтобы поставить борьбу на рельсы большой войны с определенными планами, с налаженным тылом и оборудованием, с бронемашинами (отсутствие их относится им на счет не порядка в Войске), с большим количеством офицеров Ген. Штаба. Их отсутствием ген. Акулинин и объясняет все недостатки организации борьбы. Но... из ничего нельзя сделать все. Кроме того, уральских казаков было не так то много. Обозную службу несли малолетки, древние старики и зачастую женщины.

Еще дальше идет сов. исследователь Кутяков, который в своей работе «Разгром Уральской каз. белой армии» пишет: «После падения Уральска и наступившей полной изоляции Яицкой Каз. Армии, в некоторых частях появляется упадок духа.. казаки группами переходили к красным... 21 янв. сдались большевикам 9-ый, 7-ой, 17-ый полки, а 23-го пришел и 13-ый полк... Все были распущены по домам... А вообще до взятия Лбищенска, до конца февраля 1919 г., за этот период сдалось около 7000 казаков» («Вольное Казачество № 161»). Это явное противоречие с действительностью можно объяснить лишь желанием красного командования похвалиться своими «победами». Яицкие

казаки ни одиночно, ни группами, а тем более полками никогда красным не сдавались... Я не видел и не слышал... Уральская Отд. Армия была настолько мала и находившимся там с самого начала и до конца на командных должностях было не трудно знать, что происходит на самом деле. А показания Кутякова противоречат его же собственным исчислениям наших сил. По его труду в Уральск. Отд. Армии с начала гражданской войны было 9700 сабель, 5400 штыков, 169 пулеметов, 151 орудий. Цифры им преувеличены и на много, особенно в двух последних категориях. Такого количества орудий у нас не было даже в самый наибольший период наших успехов, т. е. летом 1919 г. Если считать, что сдалось 7000 казаков, прибавить к ним наши (и большие) потери в боях 1918 г., то является вопрос, с какими же силами мы воевали в 1919 г., брали два раза Лбищенск, загоняли красных вновь в Уральск? За лето 1919 г. нами было взято до 15 000 пленных, а всего красная армия потеряла на Урал. Отд. фронте 50 000 бойцов убитыми и ранеными, причем больший процент потерь их относится к 1919 г.

После потери Уральска, действительно, нельзя скрывать, положение создалось трагическое... Все было... И растерянность, и некоторое падение духа в связи с навязчивым вопросом — что будет дальше? Но исчезновения воли продолжать борьбу до конца — не было, как не было и сдачи красным целыми полками. Были еще люди в Войске крепкие духом, которые убеждали и повторяли: « Уж если так, так кровью мы приобрели наш Яик и только кровью продадим Его... »

Председатель Войск. Правительства Г. М. Фомичев и войск старш. Климов, тоже член П-ва, сдвинули дело с мертвой точки, расшевелили станичные комитеты обороны, а где их не было, создали их, и с их помощью стали действовать на казаков самовольно отлучившихся, требуя их возвращения на фронт и организации в тылу всего нужного для прокормления фронта. Некоторые части, как Бородинская сотня, Щаповская (по 250 шашек), Серебряковская не пошли дальше Круглоозерновской, и первые дни, дни самой разрухи и ожидания, что красные выйдут из Уральска, без смены оставались на фронте.

В середине февраля 1919 г. произошли события, которые окончательно укрепили дух Армии: командование Армией и власть Войскового Атамана принял ген. В. С. Толстов, коренной казак Уральского Войска, сын ген. Толстова, бывшего до войны Наказным Атаманом Терского Войска. Георгиевский кавалер,

он под конец войны командовал 4-ым полком Уральской льготной дивизии. При возвращении с фронта, он с 4-ым полком выгрузился под Саратовом и с оружием прибыл в Уральск. До сдачи Уральска 11. 1. 1919 г. он командовал Богатынским направлением фронта под Гурьевым. Ген. Толстов пользовался большой популярностью и был как бы вторым лицом после ген. М. Ф. Мартынова, недавно скончавшегося от ран.

По сдаче Уральска части Отд. Уральск. Армии не отступили на Калмыков, как пишут ген. Акулинин и Кутяков, но целый месяц держали фронт под Уральском около ст. Круглоозерновской в 12 верстах от Уральска. Вся Бухарская сторона, вплоть до Менового Двора (7 верст), была в наших руках. Штаб Армии находился в 14-15 в. ниже ст. Круглоозерновской.

После сдачи Уральска, по вышеуказанным причинам, находившееся на фронте офицерство беспокоилось о своей судьбе, о судьбе частей, оставшихся верными долгу, в случае возможного продвижения красных на юг и полного краха фронта. В результате собрания фронтовых офицеров, по инициативе начальника штаба фронта ген. Моторного, было вынесено решение отправить делегата к ген. Толстову с наказом просить его принять командование Армией и тылом, и объявить себя Войск. Атаманом. В случае же его категорического отказа просить его, как уроженца Гурьева, дать сведения о возможности отхода наших частей на Форт-Александровск. На этих собраниях был и я, хотя официально и находился на излечении по ранению и лишь 19 февр. должен было явиться в Калмыков на комиссию. Ввиду того, что я еще обладал свободой передвижения, что было затруднительно вследствие их работы для Г. М. Фомичева и в. ст. Климова, отправлявших казаков на фронт, делегатом выбрали меня. Выехал я из пос. Владимировского 10 февр.

Получив подкрепления, красные 11 февр. вышли из Уральска, и, имея большое количественное преимущество, потеснили наши немногочисленные части и заняли Круглоозерновскую, а затем, через несколько дней и дальше к югу, Лбищенск и Горячкин. Все дороги в тылу были забиты беженцами и обозами. Около дорог были сложены снаряды и патроны и члены Комитетов Обороны, задерживая все, что двигалось в тыл, на каждую подводку укладывали по несколько ящиков боеприпасов, для дальнейшей их эвакуации в тыл. Большевики, заняв Лбищенск и Горячкин, в ожидании подкреплений остановились там на несколько дней, а наши части в пер-

вой к югу от Горячкина ст. Мергеневской. Приехав в Калмыков, я немедленно отправился на квартиру ген. Толстова, его не застал, но был приятно удивлен, встретив там полк. К. И. Карнаухова, моего бывшего начальника, который, узнав цель моего визита, посоветовал мне придти к 5-6 ч. вечера, а за это время он ознакомит генерала с постановлением офицеров фронтовых частей. К 6-ти часам я вместе с приехавшими полк. Н. М. Абрамовым и хор. Сакмаркиным с тем же наказом, что и у меня, были приняты ген. Толстовым. После доклада полк. Абрамова, возлававшего нашу миссию, о положении дел и о постановлении собрания офицеров фронта, генерал немедленно выразил свое согласие. В этот же вечер им был написан приказ № 1, где сообщалось, что он, ген. Толстов, видя безпорядки как на фронте, так и в тылу, для спасения чести Войска берет на себя власть командующего Армией и тылом. Всякое невыполнение приказаний, самовольная отлучка из полков будут строго караться, вплоть до расстрелов. Войсковые правительство и Съезд распускаются до нового созыва.

На другой день, в Калмыкове, станичный сход вынес приговор, что ген. Толстов им выбирается Войсковым Атаманом и командующим Армией. Об этом сообщено во все свободные от большевиков станицы и все они присоединились к этому приговору.

Таким образом, ген. В. С. Толстов стал Войсковым Атаманом Уральского Войска. Только одно желание спасти Войско от разрухи и развала, глубокая любовь в нему вызвали его согласие. Правда, эти выборы не совсем точно соблюдали «присуды» старины, но последующие мероприятия по приведению в порядок Армии и тыла и большие успехи, как следствие этого, оправдали спешность и игнорирование всех тонкостей выборов. Никого Атаман при вступлении на свой пост не расстрелял, как неправильно пишет ген. Акулинин («смутьянов из числа членов правительства и Съезда»). Этого не было...

Не одно только постановление офицеров фронта повлияло на согласие ген. Толстова. Общественное мнение уже давно было против многоликого управления Войском во время войны. После сдачи Уральска это стало особенно ярко. До того все сглаживалось нахождением в Армии ген. Мартынова, который, пользуясь полным доверием и Правительства и Армии, и в делах войны действовал совершенно самостоятельно и независимо. В итоге, смена власти произошла совершенно мирно.

Атаман немедленно принялся за наведение

порядка в Армии: сведение мелких частей в полки, организация штабов, транспорта и довольствия частей фронта и тыла. В каждой станице был назначен комендант, на обязанности которого была охрана складов продовольствия и огнеприпасов и решение других, связанных с этим, вопросов. Полк. Абрамов немедленно выехал на фронт, где им из сотней Бородинской, Щаповской, Серебряковской и остатков Сводного полка с пулеметной командой был образован 1-ый Партизанский конный полк. За оказанные услуги Войску, Атаман, как исключение, дал сотням право приглашать командиров по их выбору. Полк. Гаршков сформировал 2-ой Партиз. полк из казаков Круглоозерновской станицы по преимуществу. Оба полка были уже сформированы, когда красные вышли из Горячкина и атаковали Мергенев. Но на этот раз получилась другая картина. Целый день наши части держали их под Мергеневым, к вечеру перешли в контр-атаку, разбили их, взяли пленных, два орудия, много снарядов и отогнали до Лбищенска, выбив из Горячкина. Этот первый успех после многих неудач сильно поднял дух в армии. Мы опять убедились, что способны бить большевиков.

Полк. Абрамов, раненый в ногу в бою под Мергеневым, ожидавший меня по пути в госпиталь в ст. Сахарновской (по выздоровлении от ран я ехал в распоряжение начальника 2-ой дивизии), сообщил мне о результатах боя и о том, что Бородинская сотня приглашает меня командовать ею. Не ожидая моего согласия, он торопил меня с отъездом, так как я должен временно командовать 1-ым Партиз. полком. По приезде в Мергенев, на другой день я с полком занял Горячкин, заменив там 2-ой Партиз. полк. Большевики, ожегшись в Мергеневе, засели в Лбищенске, забарикадировав все улицы, в ожидании подкреплений. В начале марта в Страстной Четверг (числа не помню), обложив Лбищенск со всех сторон, мы на заре атаковали его. Вторая дивизия, в которую входил мой полк, в пешем строю должна была вести наступление со стороны степи. При начале атаки наша артиллерия открыла огонь по окраине, обращенной к Горячкину, и по центру города. Находясь с двумя сотнями в середине наступающих цепей, я должен был при приближении в центре города выпустить две ракеты, для указания артиллерии, что мы заняли центр и артиллерия должна прекратить огонь по нему. Ракеты оказались видимо залежалыми — одна из них совсем не вспыхнула, а другая вспыхнула очень низко, артиллеристы ее не заметили и продолжали стрелять, на этот раз

уже по нас. На моих глазах своим снарядом был убит находившийся при мне хор. Хондохин. Ища выхода, как предупредить нашу артиллерию, я продвинулся к окраине, где встретил полк. В. М. Хохлачева, командующего этим участком фронта, который приказал мне, собрав сотни, двигаться на Уральск для очищения тылов. В этом направлении была уже отправлена наша 3-я резервная сотня с прибывшим еще до атаки на Лбищенск временно командующим полком войск старш. Албиным. Полк. Хохлачев сказал мне, что меры для прекращения огня артиллерии приняты и судьба Лбищенска решена. К 12 часам он был в наших руках. Никто из красных из него не вышел. Нашими трофеями были 2200 пленных, 11 орудий и до 80 пулеметов. Двинувшись со своими двумя сотнями в направлении Уральска, я проскакал, не задерживаясь, Кожехаров, Барановку и только в Бударине догнал свою сотню с командиром полка.

Главные силы наши после захвата Лбищенска двинулись на Уральск. До него наши части дошли без боев и без сопротивления красных и Уральск не был взят с налета лишь из за вскрытия рр. Урала и Чачапа. Последний впадает в Урал под городом и отделял его от Круглоозерного.

Из Бударина 1-ый Партиз. полк был направлен на левый фланг, где на ЖД ст. Зеленой высадились красные, которые, как подкрепление Лбищенску, должны были идти туда, не заходя в Уральск, степью. Им было неизвестно, что Лбищенск уже занят нами и мы должны были их уничтожить. Заняв хутора по направлению на Зеленый полк выслал в нужных направлениях разъезды. 2-ая и 3-я сотня заняли хут. Портнов и Федулин, через которые, вероятнее всего, должны были бы пройти красные. Был 1-ый день Пасхи, обозов при полке не было и у нас в этот день не было даже хлеба. В резерве у нас оставалось около 70 человек. В ожидании наших обозов и новостей нам с командиром полка и адъютантом ничего не оставалось, как греться под скирдами сена на солнце и курить опилки, смоченные в никотине, закручивая «табак» в старые «Войсковые Ведомости». Ко времени обеда прискакал казак с донесением от ес. Кокорева, что он забрал обоз с провиантом и 250 пленных и отправляет их на наш хутор. При обозе были две подводы с подарками «героям Лбищенска» для красных бойцов и комсостава. Все это было честно поделено. Помимо колбас, окороков, сыра, там было много папирос, одеколona, перчаток и тд. Все эти «дары» сильно повлияли на на-

ше настроение к лучшему. Но вскоре прискакал казак-старец и сообщил, что на Б. Татарские хутора по степной речке Усихе идет много красной конницы — «видимо — невидимо». Сообщив об этом сотням ес. Кокорева и ес. Сорокина с приказанием наблюдать за этими хуторами и в случае наших или противника действий поддержать нас, а пока что держаться скрытыми, мы в количестве 70 казаков с одним пулеметом поскакали на р. Усиху, чтобы захватить М. Татарские хутора до прихода красной конницы в Б. Татарские. Между ними около 2-х верст расстояния. Эти хутора мы заняли во время: со скирдов сена нам хорошо было видно, как начали втягиваться в хутор 6 красных эскадронов, пулеметы, обозы. Установили пулемет на гумне — ждем, что будет дальше. И замечаем, что с хутора, занятого ес. Кокоревым, едут к нам два казака, и, ничего не подозревая, мирно беседуют. Но красные тоже их заметили и выслали вслед 4-ех всадников. Услышав топот их коней, казаки карьером направились на наш хутор, но, заметив наши знаки, проскакали мимо. Когда вся кавалькада скрылась за гумнами, мы отправили двух казаков вслед за красными. Положение изменилось: казаки видят своих, красные не видят... А когда заметили, то было уже поздно.

Эта игра «открыла» нас и красные, рассыпав в лаву эскадрон, бросились в атаку на наш хутор. Мы, в свою очередь, обстреляв их из пулемета, бросились на них. Красные остановились. Момент был критический... Кто повернет? Красные не выдержали и повернули. Их главные силы из за своей лавы не могли видеть, сколько нас, и, вместо того, чтобы встретить нас огнем или контратаковать, стали поначалу малыми группами выскакивать из хутора, а под конец и все понеслись назад, покрыв степь бегущими. Нам ничего не оставалось, как догонять их и сшибать. Убегая, они не защищались. При приближении казака падали с коней, многие крестились и кричали «Христос Воскресе...» Казаки их не рубили... Всего было взято 220 пленных, 6 пулеметов на хороших двуколках и целый табун — до 300 коней (вместе с обозными). За наступлением темноты преследование было остановлено. То были 9-ый кавалерийский полк (4 эскадрона) и дивизион имени Гарибальди (2 эск.), сформированные в Саратове и в первый раз выданные на фронт.

После этого наши части вышли на жел. дорогу и отрезали Уральск от Саратова. Полк. Балалаев с частями Илецкого фронта на 1-ый день Пасхи взял г. Илек и двинулся на Но-

восергеевку на ЖД линии Самара-Оренбург. Таким образом, к середине мая 1919 г., все станции вверх по Уралу (они и до этого не занимались красными), за исключением узкой полосы от Уральска до Бузулука через Соболевскую, все снова оказалось в наших руках. К этому же времени относятся и наши успехи на Соломихинском фронте, где

ген. Н. Н. Бородин разбил красных и прогнал их вплоть до Николаевска и Красного Кута Самарской губ. В силу всех этих успехов Богатинская группа красных тоже не проявляла никакой активности.

Париж

П. А. Фадеев

(Продолжение следует)

ЕЖОВЩИНА

(То, о чем не говорит советская пропаганда в « юбилейный » год).

Это было в 1938 году — спустя два года после утверждения « самой демократической в мире » « сталинской » конституции.

Народы СССР, « согретые ее теплыми лучами », конвульсивно содрогались в цепких когтистых лапах кровавого сталинского наркома НКВД — Ежова.

Кошмарный 1937 год уже прошел, но наступивший за ним был не легче.

Творилось нечто ужасное. Никто не был уверен в своем благополучии. Каждый ожидал ареста: вчера ночью взяли одних, а сегодня днем — не явились с работы другие. Проходивший около двора энкаведист или остановившаяся среди ночи возле автомашина многих приводила в ужас. Если в годы, предшествовавшие обнародованию « сталинской » конституции, в основном, арестовывали, расстреливали и ссылали на строительство « особо-важных социалистических строек », якобы, за « контрреволюционную деятельность », бывших помещиков, купцов, фабрикантов, офицеров, белогвардейцев, духовенство, кулаков, подкулачников, лишенцев, церковников и прочих « чуждых » — « им же несть числа » — то теперь, когда они были уже « ликвидированы », т. е. расстреляны или погибли в ссылках, на смену им пришло новое пополнение, в котором, наряду « с недобитыми еще » контрреволюционерами всех мастей — « социально чуждыми » — стали появляться уже и бывшие члены ВКП (б) всех рангов — от рядового до особо-ответственных, как гражданских, так и военных и политических.

В этот сектор, не угодивших Сталину, бывших его соратников, признанных « врагами народа », входили: бригадиры, агрономы и председатели колхозов, директора и старшие агрономы МТС, директора и главные инжене-

ры фабрик и заводов, руководящие работники трестов, главков, наркоматов и даже сами наркомы, командный состав Красной Армии, в основном, высший, бывшие красные партизаны и даже особо ответственные работники НКВД. Такой участи не избегли так-же и « избранники советского народа » — члены Верховного, республиканских, областных и краевых советов.

Жизнь человека в стране окончательно была обесценена, в то время, когда благополучие какого-либо колхозного животного могло стоить нескольких человеческих жизней.

Изохла ли свинья на колхозной свиноферме, сейчас же агенты НКВД, возглавляемые заместителем директора МТС по политической части, начинают доискиваться причины: кто обслуживает свиноферму, кто непосредственно ухаживает за животными, не из « чуждых » ли он и нет ли у него или его близких кого-либо из родственников за границей, или « изъятых » органами НКВД, с кем водит он компанию, не является ли его знакомый « классово-чуждым », не заходил ли кто-либо из посторонних на свиноферму, к кому, что он делал, если разговаривал, то с кем и т. д. Не дай Бог, если среди животных начнется эпидемия! Всех работников свинофермы пересаживают и в конечном итоге таки « найдут » « вредителей и диверсантов », « действующих по указанию вражеской руки », хотя, в действительности, эти люди, абсолютно, ни в чем не были виноваты. Им, как тогда говорили, НКВД « подшивали дело ». Не успел бригадир полеводческой бригады, ввиду дождливой погоды, во время обмолотить хлеб, сложенный в копны, слышишь, уже арестован органами НКВД и выслан, как вредитель.

Сломалась ли молотилка во время убороч-

ной кампании на колхозном поле, смотришь, повезли в районное отделение НКВД полную автомашину арестованных колхозников, стоящих на коленях в кузове машины со связанными назад руками, прикрытых брезентом, под охраной двух энкаведистов, а спустя несколько дней читаешь в районной или краевой газете статью, озаглавленную «Больше классовой бдительности» или «Классовый враг не спит», примерно, следующего содержания: «Воспользовавшись притуплением классовой бдительности среди членов колхоза (следовало его название) и политической близорукостью его руководства, в наши ряды пролез классовый враг (такой-то). Сын высланного кулака, недобитый кулацкий змееныш, завидуя успехам колхозного строительства, достигнутым под руководством гениального, великого и мудрого отца народов — товарища Сталина, решил больнее ужалить своим ядовитым жалом здоровый организм колхозной системы: дабы сорвать уборочную кампанию в колхозе, он вложил в сноп пшеницы железный болт, который попав, во время обмолота, в барабан молотилки, вывел последнюю из строя.

Виновный, сознавшийся в совершенном им преступлении, приговорен по ст. 58 п. 8. УК к высшей мере социальной защиты — расстрелу (приговор приведен в исполнение), а косвенные его пособники (следует перечень их фамилий) приговорены по ст. 58 п. 8. УК к высылке в концентрационные лагеря на исправительно-трудовые работы сроком на 5 лет».

И погибали ни в чем неповинные люди. А болт то был всунут в сноп с провокационной целью. И не только болт, но и оружие, если это было в интересах НКВД, могли подсунуть в крышу сарая, крытого камышем, или какое-либо другое место двора, намеченной жертвы, а потом, делая обыск, «находили» это оружие, арестовывали «виновного» и человек бесследно исчезал. Точно так могли переслать с провокационной целью письмо, а потом, якобы, перехватив его и обнаружив в нем контрреволюционное содержание, арестовывали адресата.

Несколько тайных агентов НКВД могли подтвердить на допросе то, что вы при них, такого-то числа, там-то, ругали советские порядки и даже самого товарища Сталина.

В общем всех случаев провокации НКВД не опишешь. О них имеют некоторое, но отнюдь не полное, представление только те, кто прожил в условиях «сталинского рая» лет 25.

В результате такой жизни граждане «бесклассового общества» «страны победившего

социализма», стали даже бояться своей тени. Они, замкнувшись в себя, перестали ходить в гости друг к другу, так как это было весьма рискованно: либо нарвешься на сексота (секретного сотрудника) НКВД, а ими, зачастую, были те, на кого нельзя было и подумать, а не то, на будущего «врага народа». Арестуют его и тебя потянут.

В семейном кругу разговоры на политические темы велись шопотом, с таким расчетом, чтобы никто не смог их подслушать, так как никто не был гарантирован, а в особенности вечером — с наступлением темноты, или ночами — от того, что под окнами их квартиры не подслушивает какой-либо сексот НКВД. Последнее, в большинстве случаев, вменялось в обязанность, так называемой, «легкой кавалерии», то-есть членам комсомола и пионерам, которые обязаны были следить за, указанными им НКВД, «подозрительными» гражданами.

Так с детства, проходя стадии растлевающего душу коммунистического воспитания — (октябрат, пионеров, комсомола, сочувствующих и кандидатов), «выковывались» члены коммунистической партии, для которых «цель оправдывала средства».

Большинство родителей при своих детях старалось не вести разговоров на политические темы, так как, хотя и редко, но имели место случаи, когда дети, рассердившись на кого-либо из родителей, доносили на них в НКВД.

Бывало и так, что при аресте родителей арестовывали и детей, а потом, подвергая пыткам последних, пытались от них узнать что-либо о контрреволюционной деятельности их родителей.

Дошли до того, что граждане «самой счастливой в мире страны», особенно те, кто жил в общежитиях, даже во сне боялись выдать свои чувства к ненавистной коммунистической власти.

Чем же можно было объяснить все те ужасы, какие имели место в 1937-1938 годах, то-есть тогда, когда, как говорила советская пропаганда, «сопротивление классового врага уже было окончательно сломлено», а советское общество стало «бесклассовым»?

Неужели и в самом деле везде и всюду были контрреволюционные заговоры и группы «врагов народа» — «вредителей и диверсантов»?

Народы СССР, на собственном горьком опыте, убедились в том, что контрреволюционные заговоры и восстания, в советских условиях, при наличии небывалой в истории человечества по своей жестокости деспотичес-

кой власти, охраняемой миллионами штыков солдат РККА и войск НКВД, подкрепленных членами коммунистической партии и комсомола, опирающейся на широко разветвленную сеть секретной агентуры советской безопасности, без мощной поддержки извне, не могли привести к свержению коммунистического режима.

Советские граждане, а в особенности те, кто имел хотя бы отдаленное отношение к «чуждым» и «изъятым» органами НКВД, после, несравнимых по своей жестокости, уроков 1930-1933 годов, «из кожи лезли вон», чтобы выполнить свою работу на производствах и в сельском хозяйстве, по возможности, лучше, дабы и тени подозрения не могло пасть на их репутацию. Поэтому утверждать о наличии массовых случаев вредительства и диверсии, безусловно, не приходилось. Возможно, были лишь единичные случаи и некоторый процент обстоятельств, которые в условиях жизни нормального человеческого общества, даже при самом строгом отношении к делу, можно было бы отнести за счет халатности. Преобладающий же процент «вредителей и диверсантов» были совершенно невинные люди. Знали ли это коммунистическое руководство?

Безусловно, знало, но оно также учитывало и то, что процентов 90 советских граждан, в тайниках своей души, ненавидело коммунистический режим и ждало только удобного случая, чтобы посчитаться с своими поработителями.

Политбюро коммунистической партии также великолепно знало и то, что, несмотря на чистки партийных рядов, после годов насильственной коллективизации и искусственного голода, среди коммунистов всех рангов было много разочарованных в истинах коммунистической догмы, недовольных генеральной политикой партии и ее руководством.

Поэтому и было решено, задрапировавшись красивой (для престоков) ширмой, так называемой, «сталинской» конституции, внедрить еще глубже, оправдавший себя неоднократно ранее, метод массового террора, что дало возможность коммунистическому руководству одним выстрелом убить нескольких зайцев:

1. Держать народ в состоянии повседневного страха и недоверия друг к другу, чем и лишить его антикоммунистического единства.

2. Путем арестов, изъяты всех тех, в ком НКВД предполагало внутреннюю антипатию и несочувствие, так называемой, генеральной политике коммунистической партии, как

на данном этапе «социалистического строительства, а, возможно, и в более далеком будущем.

3. Стране «победившего социализма» необходимо было иметь в неограниченном количестве бесплатных и бесправных рабов, взамен «ликвидированных» ранее, для производства разных «особо важных» работ оборонного значения.

4. При ухудшающихся условиях жизни, подтолкнуть трудящихся СССР, используя фокус стахановского движения, к еще большей производительности труда.

5. Закрепить рабочих и служащих «самой демократической страны в мире» за производствами, запретив, под страхом тюремного заключения, самовольный их переход с одного места работы на другое, что и дало возможность, в дальнейшем, повести строгую борьбу с прогулами и опозданиями на работу, путем привлечения «виновных», «согласно решений «советского суда», к исправительно-трудным работам, с последующим за этим, в злостных случаях», тюремным заключением.

6. Убрав старых ветеранов большевистской революции, кичащихся своими революционными заслугами, не особенно считающихся с авторитетом Сталина, расчистить, таким образом, путь к власти молодым коммунистам сталинской школы, всецело обязанным и преданным кремлевскому диктатору.

Террор НКВД в период этих двух лет достиг своего апогея в ноябре 1938 года, а в декабре неожиданно исчезли со стен учреждений и были изъяты из магазинов торгующей сети портреты наркома НКВД — Ежова. Он был снят с этой должности и назначен наркомом водного транспорта. Но и там Ежов пробыл недолго.

Невольно возникает вопрос: чем можно было объяснить то, что Ежов так почетно был смещен с поста наркома НКВД, в то время, когда других наркомов и многих ответственных партийных работников «ликвидировали», как «врагов народа», «вредителей и диверсантов»? Вопрос вполне ясен. Как в период 1930-1933 годов «проведения сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества, как класса», так и в период 1937-1938 годов — борьбы с «врагами народа» — «вредителями и диверсантами», творцом и режиссером этих ужасных и небывалых еще и истории человечества трагедий, был сам Сталин.

Когда «отец народов» убеждался в том, что намеченные им кровавые эксперименты себя не вполне оправдывали, он, перестраиваясь

в своей политике, перекладывал ответственность за провал кампании, якобы, на переусердствовавших исполнителей заданий компартии.

Весной 1930 года, когда проведение сплошной коллективизации вызвало во многих местах так называемые «бабьи бунты» и даже вооруженные восстания, результатом такого переложения ответственности было известное письмо Сталина, озаглавленное «Головокружение от успехов», и, как его следствие, безобидное перемещение «актеров», игравших главные роли в кровавой трагедии народов России, известной в истории, под названием: «Проведение сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества, как класса».

Так точно и в конце 1938 года, когда Сталин убедился в том, что проводимые, по его указанию, при содействии верного генеральной политике коммунистической партии наркома НКВД Ежова, мероприятия по борьбе с «врагами народа» вошли в стадию «Головокружения от успехов», вызвав растерянность и недовольство в партийных рядах, он сместил садиста Николая Ежова.

Другие же «ликвидированные» «партийные товарищи», очевидно, не были кое в чем солидарны со своим вождем, а возможно и злоумышляли против «отца народов», за что поплатились.

Народ-полуголодный, постоянно переутомленный физически и морально, лишенный личной жизни, находящийся в состоянии повседневно напряжения и страха за свое благополучие, — по понятию «величайшего гуманиста двадцатого века, великого Сталина» и верных его сатрапов членов Политбюро коммунистической партии, был самым подходящим материалом для строительства ленинско-сталинской вавилонской башни.

Но «тактики и стратеги» мировой революции чуть было не просчитались. Игнорируя общественное мнение, так называемых, советских граждан, они не учли самого главного, а именно того, что симпатия народа, в критические моменты существования государства, стоит дороже армий, моторизированных по последнему слову техники, и тысяч самолетов.

Поэтому, как только 22 июня 1941 года грянули первые залпы орудий немецкой армии, а советское радио оповестило своих граждан «о вероломном нападении» немецких фашистов» на (бывшего своего союзника) — «невинный» Советский Союз, народы России, предплагая в немцах своих действительных освободителей от коммунистического рабства,

решили не затягивать на своей шее петлю этого рабства, а сбросив ее, вдеть в эту петлю шеи своих поработителей.

Первая, самая мощная линия советской обороны, охраняемая кадровыми, казалось бы, самыми надежными, войсками РККА, была легко разбита. Бросая первоклассную военную технику, многие сотни тысяч красноармейцев почти без боя начали сдаваться в плен, а другие бежали вглубь своей территории.

«Освобожденные», по договору с Гитлером, в 1939 году «братские народы» — поляки, украинцы и белоруссы-западники, а также и прибалтийцы, свинцовым дождем поливали и без того удирающих в панике своих «освободителей».

Подходящие подкрепления, укомплектованные рядовыми советскими обывателями, по спинам которых в течение 25-ти лет так бесцеремонно и безжалостно прохаживалась ленинско-сталинская плетка, сочли глупым защищать столь ненавистный им коммунистический режим.

Поверив немецкой пропаганде, они надеялись быть использованными в общей борьбе против мирового зла — коммунизма, как союзники немцев.

При первой возможности, миллионы красноармейцев, ликвидировав своих партийных начальников, — комиссаров, политруков и командиров — зачастую с оружием в руках, переходили на сторону немцев. Положение большевиков стало катастрофическим. Фронт докатывался до Ленинграда, Москвы, Орла, Волги и Кавказского хребта.

Но неожиданно Сталину помог его прежний союзник — немец завоеватель.

Доверчивые перебежчики (военнопленные) оказались не в рядах антикоммунистических войск, а за колючей проволокой — в лагерях военнопленных.

Твердолобые политики немцы, переоценив свои силы, приписали столь легкую победу непобедимости «высшей германской расы». С первых же дней войны, они, наряду с стратегическими успехами, политически стали ее проигрывать.

Военнопленные оказались в самых бесчеловечных условиях. Они массами, особенно зимой 1941-42 года, стали вымирать от голода и холода.

Трупами военнопленных были устланы все дороги, по которым их прогоняла охрана, расстреливавшая, по приказу немецкого высшего военного командования, каждого отстающего, а они почти все, от систематического

голода и ужасного режима, еле передвигали ногами.

Видя это, местное население, (а ведь почти у каждого в семье были близкие, мобилизованные в РККА), с ненавистью стало относиться к таким «освободителям».

Зная о наличии немецкого приказа о репрессиях по отношению к местному населению в случае убийства офицеров или солдат немецкой или союзной ей армии в тылу фронта, (когда за одного убитого офицера подлежало расстрелу 120 человек местного населения, а за солдата — 60), большевики, отступая, оставляли или спускали на парашютах с самолетов проверенных ими людей, зачастую женщин, для производства разных диверсионных большевических заданий, рассчитанных на порождение взаимного озлобления населения и оккупационных армий и на подрыв авторитета последних.

Производя убийства офицеров и солдат этих армий, советские агенты вызывали ужасные стертые репрессии, жертвой которых было невинное местное население.

Так, в станице Славянской, Краснодарского края, (бывш. Кубанской области), 13 августа 1942 года, в центре станицы, днем, выстрелом из револьвера был убит немецкий унтер-офицер. Убийца обнаружен не был. Сейчас же немецкими и румынскими солдатами было окружено несколько кварталов, расположенных возле места убийства. Солдаты, обыскивая дома и дворы, арестовывали всех мужчин и подростков мужского пола. Арестованные, в количестве 158 человек, были отведены под строгой охраной на окраину станицы — к хлопковому заводу. Здесь их заставили вырыть себе могилу, а потом, выстроив шеренгу возле, отсчитали, примерно, каждого третьего из них, а всего 58 человек, отвели к могиле и на глазах у сотни оставшихся, а также наблюдавших издали жителей, — расстреляли из пулемета. После этого, приказав уцелевшим сбросить тела расстрелянных в яму и зарыть, отпустили их по домам.

Спустя несколько дней, спать-таки в центре той же станицы, после обеда был убит другой немецкий солдат, к счастью, убийца была сейчас же поймана. Она оказалась сотрудницей паспортного стола станичной полиции, (организованной, после отступления большевиков, немцами), бывшей комсомолкой, оставленной по заданию. Она сейчас же была повешена на дереве, возле станичного базара.

Подобных случаев были сотни. Особенно характерным был следующий: спустя несколько месяцев после прихода немцев, возле одного из хуторов Ростовской области (быв-

шей Донской) был убит немецкий солдат. Убийцу обнаружить не удалось. По требованию немецкой комендатуры, староста этого хутора должен был составить список на 60 человек, которых он считает подозрительными. К тому времени на хутор возвратился кое-кто из коренных жителей: кулаков и раскулаченных, сбежавших с хутора в период большевических репрессий или отбывших сроки ссылки и проживавших до прихода немцев подальше от родных мест. Староста хутора их всех внес в этот список, как, якобы, не имеющих оседлости — людей случайно попавших в этот населенный пункт. Немцы их арестовали и расстреляли, а когда разобрались, в чем дело, то было уже поздно. Воспользовавшись твердолобостью немцев, «староста» хутора немецкими руками сделал дело, порученное ему большевиками, а затем скрылся. Как потом выяснилось, он оказался бывшим членом компартии. Подобные люди, обыкновенно, прилагали все усилия к тому, чтобы пролезть на руководящие работы при немцах, дабы лучше выполнять большевические задания.

Вслед за продвигающимися вперед немецкими войсками пришли немцы-колонизаторы, офицеры хозяйственного управления, так называемые зондер-фюреры, случайно набранные из бывших мясников, колбасников, купцов и прочих, негодных к строевой службе, немцев.

Вот они то и показали народам России истинное лицо немцев-завоевателей.

Сохранив систему колхозов, столь ненавистную русским, многие из них, особенно в 1941 году, окружили себя бывшими коммунистами и комсомольцами, что на Украине наблюдалось почти повсеместно. Для таких зондер-фюреров было совершенно безразлично, кто ими был назначен на должность старосты села, начальника полиции или старосты колхоза. Для них важно было то, чтобы назначенное ими лицо лучше выполняло все распоряжения хозяйственного управления о поставке сельско-хозяйственных продуктов, рабочих для отправки на работу в Германию и на прочие хозяйственные работы.

До сознания таких зондер-фюреров не особенно быстро доходило, за счет кого и в чьих интересах усердствует подобный староста. А он, смотришь, назначил для отправки на работы в Германию детей расстрелянного или высланного в Сибирь кулака, а деток отступившего партийца оставил дома, а не то и единственную корову отберет у вдовы расстрелянного «врага народа», а потом, договорившись с зондер-фюрером, отдаст ее, слу-

чайно застрявшей в селе, жене видного красного командира-пограничника, отступившего с частями Красной Армии. Это не вымысел, а абсолютнейший факт, к сожалению, часто встречавшийся. Он имел например место в селе Арнаутовке, возле Вознесенска на Украине. К счастью, этот немецкий «радетель» был разоблачен и расстрелян, но за два с половиной года своей работы он на много процентов перевыполнил то задание, которое ему было дано при отступлении большевиками. Переводчица — его племянница, бывшая комсомолка, ему в этот помогла.

«Дольметчеринен», (понятно, не все, а некоторая их часть), были особенным злом тех времен. Большинство из них, в основном молодых, пользовались исключительным благорасположением господ немецких офицеров хозяйственного управления, отъездивших на колхозных харчах. Окружив себя гаремом из интересных женщин, в основном комсомолок или жен отступивших коммунистов, (так как приличные женщины не устраивались на работу в хозяйственное управление), зондерфюреры сразу же попали в расставленные им сети.

Как хотели, так и переводили такие переводчицы, что хотели, то и делали.

Много бывших «кулаков» и прочих, случайно уцелевших «из чуждых людей», погибло при активном содействии таких переводчиц.

Надо же было уничтожать «недобитых» еще «кулаков» и прочих «врагов народа», которые после отступления большевиков, осмотревшись, стали вылазить из всех щелей, в которых им до того удавалось прятаться. И уничтожали, но не всегда удачно — ведь палка о двух концах. Смотришь, арестовали и расстреляли переводчицу, а «папу», разжаловав, отправили солдатом на фронт, но такая «победа» давалась нелегко... При этом бывали и потери...

Бывало и так, что на должность зондерфюреров иногда попадали бывшие немецкие коммунисты, что имело место в г. Мариуполе на консервном заводе.

«Герр» — геноссе Бендер, окружив себя бывшими коммунистами, работавшими ранее на консервном заводе, безжалостно избивал рабочих завода и прочих, чьи физиономии не нравились ему или кому либо из его помощников.

Мордобоем увлекались не только немцы-руководители из бывших коммунистов. Этим занимались и некоторые прочие офицеры хозяйственного управления, армии и даже солдаты. Если первые это делали с целью

озлобления населения против немцев, то-есть с целью дискредитации, то остальные — по своей твердолобости, из сознания своего расового превосходства, расценивая русских, как людей низшей расы, с которыми дозволено поступать, как с скотами.

За период своего 25-тилетнего пребывания под пятой коммунистов, народы России великолепно узнали, что в застенках НКВД, в тюрьмах и концлагерях, жертвы подвергались самым утонченным пыткам, в том числе и жестоким побоям, но вне тюремных стен — на свободе соблюдалась видимость непрекосновенности личности и всякая попытка применения физической силы по отношению к другому расценивалась как хулиганство, с вытекающими из этого последствиями.

Население сккупированных немцами областей СССР, в результате таких наглядных уроков, а их повседневно можно было видеть во всем им разнообразии, сразу же сняло захватнические тенденции «немцев-освободителей» и стало на распутьи.

Сталин, через свою разведку, был великолепно осведомлен о настроении населения, как в немецком тылу, так и в советском.

Спасая положение, он в 1943 году еще раз решил на время изменить направление генеральной политики коммунистической партии.

15-го мая, до особого распоряжения, был распущен Коминтерн, поэтому отменили пение коммунистического гимна — интернационала; якобы, легализовали православную церковь и избрали патриарха; были введены погоны, образца царской армии; извлекли «из под спуда» имена русских национальных героев; заговорили о великом русском народе в тоне, который до того считался проявлением шовинистических тенденций и карался, как контрреволюционное действие и т. д., и т. п.

Все эти хитросплетенные махинации были рассчитаны на то, чтобы создать у советских граждан, а также и у западных союзников, впечатление о перерождении коммунизма в сторону уменьшения его агрессивности, до уровня национальных притязаний.

Из граждан СССР, искушенных в тонкостях советской политики, мало кто этому поверил. Подоспевшая в этот критический момент мощная материальная и политическая поддержка западных союзников подняла, до некоторой степени, авторитет «генералиссимуса» и его соратников — Политбюро — в общественном мнении населения СССР, а также помогла перестроиться и подготовиться частям РККА к решительному наступлению.

Захватнические намерения немцев к тому времени стали очевидны для всех.

Зверское отношение «освободителей» к военнопленным и мирному населению оккупированных ими областей, сделало свое дело.

Коллеблющееся большинство советских граждан, потеряв надежду на освобождение от ненавистного коммунистического режима при содействии таких освободителей, какими оказались немцы, видя безвыходность положения, сочло единственно-правильным защищать свое национальное отечество, надеясь избавиться от коммунистического ига в более далеком будущем.

У многих помимо их воли, проснулось, таящееся в тайниках их души, национальное чувство русских, которое постепенно, по мере продвижения фронта на запад по территории СССР, разоренной войной и оккупацией, высывало чувство мести к завоевателям.

В немецких тылах стали организовываться большевицкими силами, оставленными заранее или спущенными на парашютах — партизанские отряды, в которые, особенно в период, предшествующий отступлению немцев, стали уходить многие мужчины и подростки лесных районов Украины и Белоруссии, боявшиеся, что немцы при своем отступлении отправят их на работу в Германию.

Сов. агенты, пробравшиеся в аппарат управления при немцах, всячески им помогали, а под конец и сами уходили к партизанам.

Этим и воспользовались большевики.

Усилившиеся репрессии по отношению к так называемым «изменникам родины» — расстрелы, виселицы, штрафные батальоны, а в особенности «заградительные» отряды расставленные сзади первой линии сов. фронта, расстреливающие из пулеметов сов. воинские части в случае неудачи их наступления, все это вместе взятое способствовало продвижению сов. войск на запад, тем более, что немец. восточный фронт к этому времени был значительно ослаблен за счет переброски воинских частей на западный и юго-западный фронт, где обстановка для немцев усложнялась с каждым днем.

Так с момента сталинградской победы, Сов. Глав. Командование постепенно начинает забирать инициативу в свои руки и когда в конце июля 1943 г. в секторе так называемой «Орловской дуги» немецкий восточный фронт дрогнул, началось «планомерное отступление немцев на запад в целях выравнивания фронта».

Ряд других причин: успехи англо-американских войск в Сев. Африке и Италии, всеокрушающие бомбардировки их авиацией промышленно-стратегических объектов Германии, высадка десанта западных союзников в Нормандии, переход Италии и Румынии на сторону блока демократиченких народов, потери источников нефти и совместное координированное наступление союзников сделали свое дело. В первых числах мая 1945 г. — Германия капитулировала. Граница коммунистического влияния на западе продвинулась на линию Одер-Триест.

Если некоторая их часть, еще задолго до плена, особенно, после периода массового ареста комсостава РККА, происходившего в 1937-38 гг., в тайниках своей души разочаровалась в «истинах» коммунистической идеи и была даже враждебна ей и плыла лишь до времени за течением политических событий, то большинство из них стало заниматься «переоценкой партийных ценностей» с выводами не в пользу сталинского режима лишь после того, как оказались за колючей проволокой лагерей военнопленных.

Нашлись и такие, которые, применяясь к немецким порядкам в условиях лагерной жизни, — решили использовать политическую недалекость немцев для торжества коммунизма, чем и надеялись «искупить свою вину перед социалистической родиной» и «вождем народов».

Всячески угождая немцам, они, добравшись до власти, в первую очередь обрушились на виновников своего плена — красноармейцев, не пожелавших воевать «за родину и Сталина».

Расхаживая внутри лагеря, эти сталинские агенты умело пользовались властью и палкой, доверенными им немцами. Всячески придираясь к военнопленным, они выискивали разные причины для того, чтобы пустить в ход палку. Избивая военнопленных, они самым наглым образом терроризировали их. При этом, если возле не было свидетелей, можно было услышать: «Не хотели защищать родину, ждали немцев, так нате-ж вам немецкой палки!»

Передачи продуктов, привозимых военнопленным их родственниками из станиц, не всегда попадали по назначению, а зачастую расхищались внутри лагерным начальством для собственного употребления. Когда же немцы стали набирать из числа военнопленных добровольцев, которыми и доукомплектовывали свои военные команды, предназначенные для охраны и конвоирования военнопленных, то эти «товарищи», хорошо помня-

советские инструкции о диверсионной работе в тылу у немцев, с охотой пошли в эти команды, а затем, получив в свои руки оружие, при всяком удобном случае, пользовались им на пользу сталинского дела.

Так, в январе 1943 года, перед своим отступлением из Краснодара, немцы перегоняли из краснодарских лагерей десятки тысяч военнопленных по маршруту — Краснодар, Славянская, Варениковская, Тамань. Конвоирами были, в основном, «добровольцы», под командой немцев. Пользуясь оружием и правом конвоира, они устлали трупами расстрелянных военнопленных все дороги своего следования. Видя все признаки отступления немцев, ликуя в душе, они особенно неистовствовали, сопровождая военнопленных через станицу Славянскую. На глазах у жителей, на главной улице этой станицы, конвоиры застрелили, без всякой причины, десятки военнопленных. Администрация района и станицы, расценивая это действие, как явно диверсионное, с вытекающими из этого неправыми последствиями, немедленно обратилась к немецкому военному коменданту с просьбой о прекращении подобных явлений

в будущем и о наказании виновных, но представитель немецкой военной власти, усмехнувшись, заявил: «Мы здесь не при чем — это делают сами же ваши русские».

Трупы военнопленных, убитых советскими агентами в немецкой военной форме, в тот же день были собраны и привезены на нескольких подводах на кладбище, где и похоронены.

Месяца через полтора, немцы, оставив станицу Славянскую, отошли до позиции Кубанского предместного укрепления. Вслед за ними пришли части Красной Армии. Трупы застреленных в степи военнопленных так и остались неубранными возле дорог до прихода красных.

Можно себе представить, как реагировали красноармейцы, увидя собственными глазами эти жертвы. Рассказы местных жителей только укрепили у них чувство ненависти к немцам. Красноармейцы — очевидцы этого — в плен уже не сдавались, а сражались до последнего.

Что и требовалось доказать!

Кубанец.

(«Часовой» №496)

КАТЫНЬ.

(Продолжение № 73)

В марте 1940 года, когда глубокие снега еще покрывали русскую землю, дыхание весны чувствовалось во всем — оно несло с соседних полей и лесов. Наступающая весна несла надежду на долгожданное наступление англо-французских войск, которое сокрушило бы мощь Гитлера и сократило бы его нового союзника — Советский Союз. Заключение с трепетом сердечным ждали ликвидации козельского лагеря, к ней велись приготовления и администрацией. Понятно, никто не знал решения большевиков, но всем хотелось верить в скорое освобождение.

Мнения пленных офицеров расходились. Некоторые считали, что жителей оккупированной Советами местности отошлют домой. Другие протестовали: — Большевики никогда не оставят на западных окраинах своей стратегической территории столько интеллигентных людей. Большинство предполагало,

что пленных будут держать в лагерях Союза, в лучшем случае на поселении. Больше всего их согревала надежда встречи с семьями.

Тем временем солнце разливало яркие лучи, разукрашивая ободранные стены монастыря. Снег искрился и таял. Заключение пригреваясь на солнышке успели загореть.

С залитого светом двора в темноту церкви вошел «стрелок». Он пришел с приказом из лагерной канцелярии, вызывая одного из офицеров в комендатуру.

— Двигайся, пан! живее вставай, скоро поедешь к своей пани! — подгонял стрелок замешкавшегося на нарах, а широкое, добродушное лицо его расплылось в улыбку.

Одновременно распространилась новость, что из других помещений также вызывают пленных. Начали прибывать группы по несколько человек из «скита», где помещалось

около 1. 200 пленных, жителей из занятых советами областей. Раньше охрана строго следила и контакта между офицерами из монастыря и находившимися в ските не было. Но время от времени их под конвоем приводили в монастырскую баню, проходя, они ухитрялись выкрикнуть несколько слов и дать знать о жизни в их изоляторе. Теперь пленных взволновал факт, — прибывшим из скита никто не запрещал беседовать с приятелями на монастырском дворе.

Сборный пункт устроили в «клубе» и туда приводили всех вызванных с вещами, хотя многие их вовсе не имели. Отъезжающим принесли хороший обильный обед и они комментировали: «Вероятно, на прощанье хотят оставить впечатление получше». Это предположение заключало радостную недоговоренность — пленных передают из Сов. Союза, — и сейчас же вставал тревожный вопрос: в чьи руки, союзников или немцев?

Кроме обеда вся группа получила на дорогу небольшой паек хлеба, сахару и по три селедки. Подлинную сенсацию произвел способ их упаковки — селедки были завернуты в новую и чистую серую бумагу... Только тот, кто побывал в советских лагерях, знает, какова там цена бумаги, ведь часто нет обрывка скрутить «козью ножку» или написать записку. И вдруг, сотни свертков упакованы без всякой экономии в новую бумагу?

— Хотят произвести впечатление, что, мол, в Сов. Союзе царит «культура» — перебрасывались между собою пленные, все с той же надеждой попасть на Запад.

После первого транспорта, отправленного 3-го апреля 1940 года, численностью около трехсот пленных, началась последовательная ликвидация лагеря в Оптиной Пустыне. Почти ежедневно, иногда с перерывами в несколько дней, офицеры партиями в двести, триста человек увозились в неизвестном направлении. Им объявляли, что перевезят в распределительные пункты, из которых они должны выйти на свободу. Через русских рабочих лагеря остающиеся установили — эшелоны с польскими офицерами отправляются из Козельска по железной дороге на запад.

Не только пленные, но и лагерное НКВД не знало ни дня, ни состава следующего транспорта. Обыкновенно часов в 10 утра комендатура принимала телефон из Москвы — приказ об отправлении следующей группы, именной состав которой диктовался из центра. Это обстоятельство сильно смущало пленных, они не могли понять, почему их судьбу решает Москва? но подбадривали себя предположением: в Москве заседает какая то сме-

шанная западно-советская комиссия, которая и дает списки тех, кто должен отправиться на Запад.

Весть о телефоне быстро разносилась по лагерю. Как только список нескольких первых десятков был готов, «стрелки» бежали и сообщали вызванным, те собирали свои пожитки и сходились в клубе.

На стенке кухни в монастыре около кранов с кипятком, кто то неизвестный отмечал даты отъезда последующих групп. Этот своеобразный календарь обрывается 10. 5. 1940 г., а сбоку имеется заметка, приблизительно такого содержания: «сегодня уезжает последняя группа из ста человек. Направление неизвестно.»

Из всего Козельского лагеря в Оптиной уцелела лишь одна группа, человек около ста, вывезенная 26 апреля. Некоторые из офицеров очутились затем в лагере Павлищев Бор и Грязовец.

Один из них, попав за границу, поместил показания в лондонском «Дзеннике Польском» 21 апреля 1943 г. Ко времени отъезда его группы, из лагеря в Козельске уже вывезли 3.500 пленных. Люди терялись в догадках — куда их увозят? Все говорило об направлении на запад, а политруки и мелкие служащие лагеря подсказывали:

— «Вас всех выдают немцам!» — они называли, даже Брест, как место передачи.

Перед отъездом всех обыскивали. К ожидавшим очереди подошел комиссар лагеря Димидович, взглянул на пленных и бросил:

— Ну, значит, хорошо попали! — тогда никто не понял значения сказанного и только впоследствии, по какой то счастливой случайности избежав общей участи, они вспомнили искренность слов комиссара.

Группу посадили в грузовики и окружной дорогой через лес перевезли на железнодорожную ветку станции Козельск и поместили в тюремные вагоны. Через несколько часов эшелон тронулся и пленные, ориентируясь по солнцу, заметили, что из Козельска их повезли в юго-западном направлении. Через некоторое время поезд остановился на узловой станции, вероятно Сухиничи, и оттуда отправился на северо-восток. Лежа на верхней полке вагона, во время пути указанный свидетель заметил на стене надпись карандашом, может быть спичкой:

— «Через две станции за Смоленском высаживаемся, разгружаемся.»

Таким же таинственным образом, одновременно, большевики ликвидировали три лагеря с польскими военнопленными — в Козельске, Старобельске и Осташкове, в общей

сложности человек приблизительно 15.000, из них 9 тысяч офицеров. Кроме упомянутой группы, никто из этих лагерей не дал о себе знать. От весны 1940 года родственники перестали получать от них письма.

Некоторые семьи военнопленных пытались разыскивать пропавших без вести и обращались к советским властям. Позднее в архиве смоленского НКВД, во время немцев, был обнаружен и опубликован интересный документ:

«Некая Александра Урбанская, после прихода большевиков в восточные области Польши, была с семьей вывезена в Казахстан. Ее муж находился среди заключенных в лагере Козельска и от марта 1940 года переписка с ним оборвалась. Она обратилась с прошением в НКВД, прося выяснить, где находится муж. Служащий смоленского НКВД Филипович сделал пометку на прошении Урбанской — «Известить, что переведен в неизвестный лагерь». Следует подпись и дата — 6. V. 40.

**

22-го июня 1941 года Германия неожиданно напала на Сов. Союз. Красная армия терпела поражения, отступала и сдавалась в плен.

При изменившемся политическом курсе и спасая положение, советское правительство стало искать сближения ни только с западными державами, но и с Польшей.

Последняя соглашалась на союз с большевиками при условии: освободить из лагерей СССР всех военнопленных поляков.

Польско-советское соглашение заключено в июле 1941 года и на основании его была объявлена амнистия всем военнопленным, арестованным и сосланным в СССР польским подданным.

При формировании польской армии в Сов. Союзе сразу выяснилось, что находящиеся налицо пленные являются лишь минимальным процентом взятых в плен в 1939 г. Начались бесконечные переговоры по поводу пропавших, длившиеся в течении года, до момента эвакуации польской армии из СССР.

В сентябре 1941 года, польское правительство в Лондоне и польские военные представители в советах предприняли энергичные шаги по делу пленных, которые не явились на сборные пункты. Тогда еще никто не сомневался в доброжелательности центральных советских властей и проволочку объясняли недобропорядочностью провинциальных начальников лагерей или техническими затруднениями.

Уже 16 августа 41 года произошло первое совещание освобожденного из тюрьмы на Лубянке генерала Андерса с представителями советской армии. Председательствовал ген. Панфилов, участвовал генерал Жуков. Сразу им был задан вопрос — каким количеством солдат сможет располагать формируемая польская армия?

— Можно рассчитывать на тысячу офицеров и 20 тысяч солдат — последовал ответ, крайне смутивший ген. Андерса.

— А где же многочисленные пленные из Козельска, Осташкова и Старобельска? — На этот вопрос советская сторона ответить не смогла и обещала представить точные информации.

На последующих пяти конференциях ген. Андерс ставил тождественные вопросы, но всегда получал неопределенные ответы.

Произошло несколько встреч польского амбасадора Ст. Кота с А. Вышинским. Во время одной из них Вышинский заявил:

— Мы отдадим всех ваших людей, за исключением тех, которых у нас нету.

Характерно, в протоколах всех конференций большевики сознательно умалчивали о деле военнопленных.

В то время польское правительство в Лондоне получило информацию от советских офицеров связи: военнопленные, из вышеперечисленных лагерей, освобождены в 1940 году и отправлены на родину. Однако при проверке подпольная организация из Польши сообщила: пленные офицеры домой не возвратились, их нету и в немецких лагерях, а контакт с ними прервался в апреле 1940 года.

14 ноября 1941 года, в Лондоне, советский посол Богомолев вручил Е. Рачинскому ноту, в которой находится параграф:

«Все польские офицеры на территории СССР — освобождены. Предположение Председателя Совета Министров о том, что большая их часть рассеяна по лагерям северных областей СССР, основано на неточных информациях.»

За два дня перед тем состоялась пятая по счету встреча амбасадора Кота с Вышинским, заявившим:

— По-моему, все офицеры уже освобождены, следует только установить место их пребывания. Если же кто-нибудь заключен, то безусловно будет освобожден. Этот вопрос для меня больше не существует. Того же-14 ноября, Кот добился аудиенции у Сталина. Внимательно слушая амбасадора, диктатор проявил возбуждение, встал с кресла и начал прохаживаться; затем быстро подошел

к письменному столу Молотова и соединился по телефону с НКВД.

— Здесь Сталин. Все ли поляки освобождены из тюрем? Тут у меня польский посланник, утверждающий, что освобождены не все. (Слушает ответ, откладывает телефонную трубку и возвращается к столу, за которым происходила конференция.)

Через несколько минут отозвался телефонный звонок, подошел Сталин и, выслушав ответ, вероятно выяснивший судьбу пленных, без слова отложил трубку.

Не ловкая ли это инсценировка, желавшая создать впечатление — Сталину ничего неизвестно о судьбе нескольких тысяч пленных офицеров?

В конце концов генерал решил сам заняться этим делом и выяснить его у Сталина. Их встреча произошла в Кремле 3-го декабря 1941 г., в присутствии ген. Андерса и комиссара Молотова. В результате ее еще раз выносилось впечатление, что пропавшие офицеры живы и находятся где-то на далеком севере. Эту надежду поддерживали заверения самого Сталина: «офицеры наверняка освобождены, но еще не прибыли!» И его обещание: «Будут даны особые распоряжения исполнительным властям!»

Зная, с какой точностью и тщательностью НКВД ведет свою работу, никто из недавних военнопленных не сомневался, что высшим инстанциям НКВД известно пребывание пленных. Но разве обещание Сталина, его категорический приказ — выяснить судьбу польских пленных — не давали им надежды узнать, где находятся их соратники?

18 марта 1942 года Сталин снова принял генерала Андерса с его начальником штаба. Сии снова возобновили вопрос о пропавших. Сталин протестовал:

— Я не знаю, где они и мне нет нужды их задерживать. Может быть они находятся в лагерях на территории, занятой немцами. Быть может, офицеры разбежались...

Первый раз в словах Сталина проскользнула версия, которая в недалеком будущем — после открытия немцами могил в Катыни — стала официальной советской.

Тогда прошло уже II месяцев от занятия Смоленска немецкими войсками и большевики прекратили отвечать на польские ноты о

пленных.

В начале июня 1942 года один польский офицер передал начальнику Польской Военной Миссии ген. Воликовскому письменное донесение: «В конце апреля 1940 года я был овидетелем разгрузки из поезда группы польских офицеров; она происходила на маленькой станции в десятке километров на северо-запад от Смоленска. Пленных перевозили автобусом с закрытыми окнами, он систематически возвращался, забирал человек по тридцать и уходил по направлению лесистой местности.»

Следует заметить, что еще в октябре 1940 года, за восемь месяцев до начала немецко-советской войны, «товарищи» стали приводить штабных польских офицеров в специальный лагерь вблизи Москвы, затем в Москву. Им предложили подготовиться к организации польской армии против Германии. Подполковник Берлинг, пользовавшийся дурной славой в армии Польши и впоследствии ставший сов. генералом, схотно шел на предложения большевиков, при условии — в армию должны войти все солдаты и офицеры, независимо от их политических взглядов. Обсуждение происходило между Берией и Меркуловым с советской стороны и группой польских офицеров, заключенных в Бутырках и на Лубянке, с другой.

— Понятно, все поляки любых взглядов смогут вступить в эту армию — утверждал Меркулов.

— Замечательно — ответил Берлинг — у нас прекрасные кадры в лагере Козельска.

Тогда у Меркулова вырвалось: — Нет, не эти! Мы допустили с ними ошибку.

Из приведенного можно заключить, что с польскими офицерами из Козельска «случилось что-то» перед октябрём 1940 года.

Лишь ввиду единства союзников, громкое дело о пропавших польских офицерах не имело международной огласки. Однако — в течении поисков и переговоров с советскими властями — польская сторона собрала огромный материал и документы. Через два года, в результате трагических фактов, они приняли подлинное значение.

Англия.

Т. Данилевич
(Продолжение следует)

CREDO

Моя Россия — здесь: в намоленных иконах,
Среди своих могил, в общении друзей,
В указанных душой, неписанных законах
О преданности Ей — Отчизне прежних дней.

Мы шли не для того в далекий путь изгнания,
Чтоб много лет спустя как будто позабыть,

Что нам судьба велит беречь в своем сознании
Кем были прежде мы и кем должны мы быть.

Я глух и нем к словам и зову возвращенья,
И даже к отголоскам древнего Кремля...
Моя Россия-здесь и с нею в утешенье
Легка мне будет всюду чуждая земля.

Париж

И. Сагацкий

С РУССКОЙ ПЕСНЕЙ ПО БЕЛУ СВЕТУ

(Все права сохранены за автором)

(Продолжение № 73)

Оказавшись свободными до начала августа, когда должна была начаться подготовка новой программы на сезон 1928-29 года, хористы разъехались кто-куда. Многие почти сразу направились в Штарнберг, что-же касается меня, то я сначала съездил в Дрезден, имея в виду экипироваться вещами для летних каникул. В Дрездене мне удалось довольно тщательно ознакомиться со знаменитой картинной галлереей и насладиться созерцанием картин неспровоцированных художников. Обилие впечатлений от множества виденных картин во всевозможных галлереех всех пяти континентов не дает возможности стройной градации всех этих шедевров, но в Дрезденской галлерее я был буквально ошеломлен, попав в зал, заполненный творчеством Рубенса. Какое обилие красок, какая яркость и сила изобразительности его персонажей, особенно в их дородной женской половине.

Незабываемое впечатление произвела на меня Сикстинская Мадонна Рафаэля. Картина, довольно большого размера, помещена в отдельной комнате, у противоположной картине стены, для удобства посетителей, поставлена скамья. Позднее мне не раз приходилось сидеть на этой скамье и проводить на ней немало времени.

Удовлетворив свою любознательность и покончив свои личные дела, из Дрездена поехал в Штарнберг. Но ни сам городишко, ни

озеро, где можно было купаться только в определенном месте, где для этого была построена большая купальня с кабинками, меня несколько не привлекали. Меня, выросшего в степной груши, всегда тянуло к простору, полям, зелени. За недалекой околицей городка среди хлебных полос, пастбищ, скошенных лугов, на чистом и свежем воздухе нашел я отдых для легких, для глаз и нервов, уставших от постоянной суеты и сутолоки людских скопищ.

Скоро начали съезжаться все хористы, появились и новые, заменившие двух оставшихся хор теноров. Один из вновь появившихся, тенор-альтино, в действительности не был новичком и только вернулся в оставленный им некогда хор; другой-же, новенький, обладал звонким серебристым голосом. Из ушедших мне было особенно жаль М. Соболева. Певец во всех отношениях культурный, он умел передать характер любой исполняемой им вещи. Его «Серенада» Абта дышала южной страстью, его «Сенин» Добровейна были полны задора, его «Колыбельная» Гречанинова передавала нежную материнскую заботу о ребенке, а «Былина» («То не белая береза к земле клонится...») была ровное, спокойно-эпическое повествование.

С уходом М. Соболева все эти номера также ушли навсегда из репертуара. Теперь на смену ему пришли другие прекрасные солисты и другие сольные номера, пополнившие

арсенал нового репертуара. Не могу с точностью сказать, какие именно вещи относились к сезону 28-29, или к 29-30 гг. т. е. до поездки в С.Ш.А., но за эти годы в программу вошли: «Земело тебя снегом, Россия», «Звонили звоны», «Расцветали в поле цветики», «Песнь индийского гостя», «В темном лесе» — Пащенко, «Меж крутых бережков», «В селе малом» и др.

Из церковных песнопений в эти годы были введены в репертуар: «Аллилуя», «Упокой, Господи» и «Вечная память» — из панихиды Чеснокова, «Внуши Боже» и ежегодно новое «Верую» — Гречанинова, Архангельского, Кастальского. Были введены и «Во царствии Твоем» — двух композиторов, «Тебе поем» — Рахманинова, «Великая ектинья» — Гречанинова.

Из Нью-Йорка были получены от проф. К. Н. Шведова его аранжировки и композиции светских вещей: «Справка о Донс. каз. хоре», «Очи черные», «Лезгинка», «Две гитары». В первой рассказывалась жизнь и история регента и хористов; Великая война, война гражданская и наконец сцена. Начиная этот большой номер с «Всколыхнулся, взволновался...», а заканчивался «Много лет Войску Донскому». В «Справке» было много сольных фраз, среди них и боевая русская песня «Пусть свищут пули», а перед самым концом красивое соло баритона на слова: «Нам-же, Боже, пошли силы нести наше новое знамя, знамя искусства, с честью и славой».

Почти все аранжировки проф. Шведова были очень сложны и не так легко усваивались хором, но они были так прекрасны, что вполне оправдывали затраченные усилия. В новую программу вошло и несколько аранжировок Жарова, главным образом казачьих песен и церковных песнопений.

Его большими аранжировками хор стал обогащаться позднее, когда серьезно заболел проф. Шведов.

Усердно работая над новой программой, хор, после спевов, уделял не мало времени общим собраниям, о которых я уже упоминал ранее. Считаю нужным познакомить читателей с тем, с чем мне пришлось познакомиться более подробно, как избранному сначала членом, а потом председателем ревизионной комиссии. Начну с того, что прошедший сезон закончился разрывом с дирекцией, платившей хору определенный гонорар и не согласившейся работать на процентах. За разрыв контракта, хору по суду пришлось уплатить сто тысяч немецких марок. Кроме того, на нас лежали моральные обязательства

в отношении к обездоленным инвалидам из нашей воинской среды. Чаще всего, хор давал концерты в пользу Союза Инвалидов в Париже, а затем и в Нью-Йорке. Иногда хор из своих концертов делал солидные отчисления в пользу инвалидов. Прекрасно помню, что на долю Союза Инв. с одного концерта пришлось 13 000 фр. Иногда Союзу Инв. давалось солидное количество билетов для продажи в их пользу. С первых же лет налаженной регулярной концертной работы хор считал своим долгом высылку ежемесячно двухсот нем. марок Донскому Атаману на представительство и ста марок ген. Гусельщикову, командиру того полка, из рядов которого вышел хор. 100 марок посылались и одному хористу, вынужденному покинуть хор по состоянию здоровья.

В ежемесячные ассигновки хора входила сумма на поддержание Храма-Памятника в Лейпциге. Но часто во время концертных турне за помощью обращались и люди, попавшие в беду, и остро нуждающиеся храмы, и не помню, чтобы кто-нибудь ушел с пустыми руками. Будучи в течении почти двадцати лет кассиром хора, во время наших разъездов я ведал делом помощи и хорошо помню старика полковника, жившего в Манхейме в бомбоубежище и во время наших приездов в Манхейм регулярно поджидавшего кассира при выходе из концертной залы. В Фленебурге приходил за «данью» старик гуслир и сказитель Котомкин, который всегда подносил хору букетик полевых цветов и каждый раз со сцены читал трогательное приветствие на гуслирный лад. В Мюнстэре, где мы пели в огромной выставочной зале, пришел в артистическую уже пожилой исхудавший казак, родной брат Кузьмы Крючкова, оказавшийся в нужде; в каком то маленьком городке, неподалеку от Гамбурга, обратился за помощью казак-инвалид, искалечившийся на джигитовке. Незадолго до происшедшего с ним несчастья, он имел свою небольшую группу джигитов, которую теперь пришлось распустить. Много прошло этих горемык, несчастных, обездоленных и не было времени поговорить, распросить, какая беда их постигла, но помочь надо было.

К концу августа новая программа была готова и первая проба произошла в Гермисш-Партенкирхен, известном курорте, знаменитом своим зимним спортом. Впоследствии на этом курорте мы давали концерты в самый разгар зимнего сезона, когда он был наводнен иностранцами. Лето, проведенное в этом городке, в полу-городской обстановке, не оставило ярких воспоминаний. Регулярные кон-

церты хор начал с соседнего Мюнхена и продолжал их по жел-дорожной линии Мюнхен-Берлин. Второй концерт был дан в Регенсбурге.

1928-ой год был переходным в фильмовом деле в Европе; наряду с немцами, стали появляться фильмы говорящие, вернее полу-говорящие. Тотчас мы получили предложение участвовать в полуговорящем фильме «Белый Дьявол», посвященном борьбе Шамиля. Так как в Германии это была первая попытка-проба перехода к говорящим фильмам, то работа двигалась медленно и хор был занят чуть ли не три недели. Наша роль сводилась к пению или на сцене, или за кулисами. Когда приходилось петь на сцене, то, одетые в летнюю солдатскую форму, мы сидели вокруг бутафорского костра и пели, увы, все тоже «Эй ухнем», на которое был такой спрос, что его клеили даже туда, куда совсем не шло. Впрочем, у костра пели еще что то. Когда же надо было петь за кулисами, то на пол клались большие листы железа, по которым хор, давая «ножку», маршировал или делал шаг на месте и пел заливчатские солдатские песни, из которых хорошо запомнилась только «Взвейтесь соколы орлами», да и то потому, что петь ее приходилось целыми часами подряд. Режиссером этого фильма был Волков и две главные мужские роли исполнялись тоже русскими; Мозжухиным и Мурским. Ив. Мозжухин играл Шамиля, главную женскую роль — императрицы исполняла обаятельная Лиль Даговер. Мозжухин не владел ни одним иностранным языком, что и привело его к большой трагедии: с появлением первых говорящих фильмов ему пришлось прекратить свою кинематографическую карьеру, в полном расцвете своего таланта.

Во время нашей работы в фильме «Белый Дьявол» хор получил предложение от другой кинематографической фирмы напеть для фильма «Двенадцать разбойников» два номера: «Отче наш» и «Кудеяра». Эту работу мы делали в концертном исполнении. Явились в студию в своей казачьей форме, построились на большом подиуме и пели сперва один номер, до тех пор, пока он не был принят дирекцией, а затем точно также и второй. Все это было закончено в один вечер.

Вслед за окончанием работы хора в полуговорящих фильмах, в небольшой церкви вблизи вокзала «Ам Цоо», состоялось бракосочетание, венчавшихся одновременно, двух пар. Хор пел под управлением хориста В. Чиждова, т. к. сам регент Жаров, со своею невестой Н. Н. Кудаш, находился в первой паре; вторую пару составлял тенор солист А. П.

Яровицкий с избранной им спутницей жизни. После венчания это большое семейное торжество было отмечено пышным свадебным пиром, на котором, в качестве самого почетного и желанного гостя, присутствовал Донской Атаман ген. А. П. Богаевский.

Из Берлина, после нескольких концертов в Дрездене, хор выехал в Чехию и дальше на юг. Концерты всюду проходили блестяще. В Праге хор встречала и провожала большая группа Российской общественности, среди которой было много казаков. Особенно обращал на себя внимание уже глубокий старик, известный писатель В. Ив. Немирович-Данченко. При проходах вся эта группа, вместе с регентом и частью хористов, фотографировалась на площади против вокзала (площадь Вильсона) на фоне девственно-белого снега.

Из Праги направились мы в Вену, дав попутно концерт в Брно и, сделав скачек влево, побывали в Прикарпатской Руси, где хору было оказано особое радушие. В Мукачево поразили чисто патриархальные фигуры евреев, которых до того я не встречал.

Их патриархальные головы с обильными шевелюрами, их длинные просторные патриархальные одежды невольно переносили воображение на страницы Ветхозаветной Священной Истории. В Ужгороде, столице провинции, атмосфера была почти русская. В особенности это выявилося на приеме хора клубом, или, вернее, обществом имени Духновича. Все там льнуло к русскому народу, к России.

Оттуда попали мы в Братиславу, Вену и еще в другие австрийские города. Неоднократно наведывались в небольшой венгерский пограничный город Сопрон, где концертный зал всегда бывал переполнен нарядной публикой, большинство мужчин в военной кавалерийской форме, дамы в вечерних туалетах. Перекочевав в Венгрию и дав несколько концертов в Будапеште и в других городах Венгрии, хор снова посетил Румынию. На этот раз, кроме Бухареста, пели в Галаце и Мишкельце. Как и в первый приезд, в Бухаресте хор был на приеме у королевы Марии и юного короля в присутствии гостей-родственников.

В Галаце, большом университетском городе, концерт прошел в особой, довольно своеобразной, атмосфере. Когда мы подходили к театру, то увидели, что вход в театр охраняется вооруженной воинской частью, на которую насаждает большая толпа молодежи. Выяснилось, что все билеты на концерт были давно распроданы и студенты, не имевшие билетов, требовали, чтобы их пропустили в

зал. Крик стоял невероятный, и нередко в стены театра летели камни. Концерт все-же начался, но шел он чуть ли не до конца под акомпанимент бухающих в стены бульжников.

Из румынских впечатлений запомнилась церковная служба в соборе, стоявшем на главной площади, не помню какого города. Служба шла на малопонятном (одном из славянских) языке. Был воскресный день. Прихожане, как шедшие в собор, так и те, что уже наполнили его, были одеты в опрятные, все в светлых тонах, расшитые узорами, праздничные национальные наряды. Кажется, это были русины. Вернувшись в Бухарест, хор дал еще один концерт, на котором присутствовала королева Мария.

Проездом через Венгрию, в маленьком городке Бекешаба, хор дал концерт, после которого заболел хорист Н. Каратаев, выехавший с хором из Софии еще в 1923 году. Знал я его по Галлиполи, где вместе мы не раз путешествовали из лагеря в город на спевки «корпусной капеллы». Временами он испытывал сильные боли, которые считал последствием ранения. После Бухареста боли усилились, а в Бекешабе Каратаев почувствовал себя настолько плохо, что в сопровождении физически сильного хориста его отправили в Вену, хор же отправился в турне по Швейцарии. Вскоре из Вены пришло сообщение: врачи установили у него запущенный аппендицит, перешедший в перитонит, и сразу отправили на операционный стол. Все с тревогой ждали результатов операции. В следующем городе, где мы давали концерт, было получено извещение, что в сердце больного проник ступок крови, который сердце все же протолкнуло, что в то время было редким явлением. Все облегченно вздохнули. А через день пришло сообщение о смерти Каратаева, от проникшего в сердце нового ступка крови. Со смертью его я потерял однополчанина и друга, с которым всего четыре дня тому назад стоял на сцене. Теперь уже десятки старых хористов ушли в другой мир, но тогда это была первая жертва, вырванная смертью из рядов хора, и воспринята она была крайне болезненно.

Турне по Швейцарии проходило блестяще, что еще более озлобило местные музыкальные и певческие союзы (ферейны). 20-го декабря закончились наши швейцарские концерты и утром 21-го, по раз заведенному обычаю, выехали мы в Дрезден, где с 25-го по 31-ое были назначены наши выступления. На спевках, в предрождественский трехдневный отдых, как и раньше, присутствовал С. В.

Рахманинов и в его честь спевки заканчивались «Господи, сохрани» — Чеснокова. Посетил он и один концерт.

Нельзя не упомянуть о тех непринужденных жизнерадостных вечеринках-балах, которые устраивала хору русская колония Дрездена. Главным организатором и душой этих вечеров был уже пожилой Я. И. Мульман, родной брат артиста Мурского. Мульман был влюблен в русскую культуру, в русское искусство и так привязался к хору, что считался неотъемлемым членом хоровой семьи. В залах лучшего дрезденского отеля, в обстановке самого беззаботного веселья, объединялись с нашими хористами, бывшими всегда в своей концертной форме, семьи Сатиных, Скалонов, Герсдорфов, кн. Оболенского и др. Наши хоровые дамы, а их было уже много, блистали молодостью, были интересны и пользовались случаем щегольнуть своими нарядными туалетами. По разбросанным комнатам бального помещения, народу казалось не слишком много, но к началу танцев большой танцевальный зал наполнялся танцующими парами. Бал открывался вальсом и всегда в первой паре был Мульман с одной из молоденьких и очаровательных хоровых дам. Старику было далеко за 70, но он чувствовал себя еще настолько бодрым и подвижным, что отплясывал и мазурку.

Зарабатывал он довольно хорошо, благодаря безукоризненному знанию русского и немецкого языков и был долголетним преподавателем русского языка в Дрезденском военном училище. В хоре он был неизменным переводчиком на немецкий текст всей новой программы, которую он отпечатывал к началу нового сезона в десятках тысяч экземпляров, а во время летних репетиций, когда хор приглашал фотографа-специалиста, делавшего несколько снимков хора, из которых более удачные он также отпечатывал в десятках тысяч экземпляров, размером в почтовую открытку. Эти фотографии «текстбук» и программы продавались на каждом концерте, а получаемая прибыль поступала в особый фонд, в конце сезона, на покрытие летних расходов.

После Дрездена, пели мы снова по всей Германии, включая и Восточную Пруссию, отделенную «Польским корридормом». При переезде — «корридора» — двери вагонов замыкались и никто из пассажиров не смел не только выйти на платформу, но и стоять на площадке вагона.

Вдоль и поперек исколесили мы В. Пруссию, пели в Кенингсберге и в Тильзите, в Инстербурге, пели и еще в каких то, неудержав-

шихся в памяти, городах. В одном из таких городов разместились мы в отеле «Прейсшергоф», где побывал со своим штабом ген. Ренненкамф, а затем фельдмаршал Гиндербург. Там на многих дверях номеров отеля были прибиты медные дощечки с именами, некогда известных всем, как немецких, так и русских генералов. Должен заметить, что непрерывный триумф хора приобрел для нас характер обыденности и слился в памяти в одно целое, т. ч. я могу и спутать концерты дававшиеся хором в одном или в другом сезоне.

Данциг. Раза два в год выступали мы и в этом городе. Оттуда, после продолжительного путешествия с концертами по Германии, хор отправился во Францию, где задержался более чем на три недели.

Париж, Лион, Марсель, Страсбург, Бордо, Лиль, Руан, Дижон, Бельфор, Тулуза, Тулон, Ним, По, Гренобль, какие то города под Пиренеями и многие другие — вот путь нашего хора. В Париже хор давал не менее двух концертов и посещал этот город раза два в сезон.

Тенор-солист, окончивший Киевскую консерваторию, с хорошо поставленным голосом широкого диапазона, до верхнего диэз включительно, был лучшим солистом в исполнении арии «Расцветали в поле цветики», словно созданной для него; в нее он вкладывал столько экспрессии, что едва ли в зале находился хоть один слушатель, которого она бы не захватила. Имея в хоре такого солиста, Жаров решился нарушить традицию, а быть может и замысел автора, и дал петь «Песнь Индейского гостя» не лирическому, или лирико-драматическому тенору, а именно этому тенору.

«Не счесть алмазов...» пелось им минимум на тон выше. Этот номер регент с опаской поставил в программу Парижского концерта. Выпевая все «узоры» арии, солист постепенно вкладывал в исполнение все больше экспрессии и когда в кульминационном пункте он «распустил перья», да еще и немного задержался на этом месте, эффект был потрясающий. По окончании номера, аудитория театра «Елисейских Полей» разразилась громом аплодисментов, главным образом по адресу солиста. Прекрасно проходили и «Звонили звоны» и «Замело тебя снегом, Россия», исполнявшиеся другими блестящими тенорами лирико-драматического характера. Эти номера продержались в репертуаре хора и безвозвратно исчезли из него вместе с их исполнителями. Вообще в хоре было много первоклассных солистов во всех партиях, но некоторые из них пронеслись метеорами, не успев вратиться в хор, другие же срослись с хором и в

нем же состарились. В моих воспоминаниях я упоминаю лишь о тех, с кем много-много лет я простоял рядом; мне хотелось подчеркнуть, как индивидуальны бывают голоса и как индивидуальны способности их обладателей.

Нередко мне приходилось слышать от собеседников певческого мира «Жаров рвет голоса». Эта фраза высказывалась не то в форме полувопроса, не то полуутверждения. То обстоятельство, что хор пел в повышенных тонах очень многое, не дает однако места такому утверждению, хотя бы уже потому, что в хор принимались люди, я говорю о первых тенорах, свободно идущие до самих верхних нот, т. е. до верхнего «до» и даже с диэзом. И если на сцене верхние ноты у теноров «свистели», то петь их было кому. В начале я умышленно упомянул о товарищеской пробе голосов вскоре после моего прибытия в хор. Пели мы с азартом и подстегивать нашего брата не было необходимости. Все мы привыкли целиком отдаваться делу, которому служили. Так относились мы к своим военным обязанностям, так относились и к тяжелому физическому труду, которым пришлось зарабатывать кусок хлеба, также относились к работе в хоре и особенно в Дон. каз. хоре, где регент умел учитывать и полностью использовать голосовые возможности хора. Конечно, голоса изнашивались, но причины этого явления следует искать или в самих певцах или в обстоятельствах, сопутствовавших работе хора. Прежде всего, при нашей напряженной работе, не все хористы питались как следует и не все хорошо за собой следили и своевременно не пользовались услугами врачей. Настоящим бичом для певца является простуда, которую легко заполучить во время путешествий автобусами и в холодных отелях. Во Франции, в провинции и особенно на юге, хорошо отапливаются лишь очень дорогие отели, напр. в Ницце, где также бывает снег и холод, хорошо отапливаются отели ранга «Негреско» «Руль», «Пале Медитеранэ», где живут толстосумы.

В Лионе хор жил несколько дней во вполне приличном отеле, где было центральное отопление, но, в виду ветхости труб, в некоторые номера тепло не поступало, а наружи было порядочно холодно. Я лично в своей комнате почти не снимал пальто. Перед самым отъездом в Париж выяснилось, что некоторые хористы сильно простудились. Главный солист-бас, не сказавши регенту, уехал в Бельгию, где у него была семья, а на пути в Париж главный солист-тенор заявил регенту, что простужен настолько, что петь не

в состоянии. Жаров так вскипел, что наговорил заявившему кучу неприятностей. Эти сюрпризы поставили регента почти в безвыходное положение. Конечно, при таком положении концерт надо было-бы снять, тем более, что и сам Жаров с утра ходил с температурой 39 град., но за 3-4 часа до начала концерта сделать это было невозможно. Наспех, какие то номера программы были заменены, а некоторые пелись другими солистами. Но как мы волновались все, когда Сергей Алексеевич вышел управлять хором с температурой в 40 град.... Иногда казалось, что он вот-вот свалится. И все таки концерт прошел очень хорошо. Было это в 55-56 году, когда в составе хора имелось всего 22 певца.

Случались неприятности и другого характера, как то, что произошло с нами в С.Ш.А. во время последней мировой войны. С самого вступления в войну Америки, там был издан закон, объявлявший военнообязанными всех мужчин до 40 лет включительно и всем лицам призывного возраста было воспрещено покидать страну и выезжать даже в Канаду. С этим законом нам пришлось познакомиться на практике, когда хор выехал на два концерта в Ванкувер. На канадской границе не пропустили 10 хористов, в том числе шесть первых теноров, никакие переговоры и просьбы не помогли, и так и поехали петь два кон-

церта с тремя первыми тенорами. Зал был большой и тяжелый, регент перебросил к нам одного тенора со второй партии, но петь было трудно, некогда было передохнуть. Форсирование голоса в двух концертах подряд не всегда проходит безнаказанно, но кого же винить, — дело то свое, общее.

По окончании концертного турне по Франции пели мы и в Англии, Бельгии, Голландии и в конце Великого поста снова вернулись в Германию, где в Страстную Пятницу (инославную) дали духовный концерт в зале самого большого кинематографа, рядом с вокзалом в Берлине. До первых чисел июня, т. е. до конца концертного сезона, безвыездно концертными мы в Германии. Местом летнего отдыха хор избрал Австрию, куда заранее были отправлены «разведчики». Вернувшись, они с восторгом рассказывали о небольшом поселке, лежащем на берегу Мильштадтского озера и удовлетворяющем все требования хора: большой зал для спевов, количество квартир достаточное для всего хора, купанье, чудные окрестности для прогулок, одним словом для хора клад. Название поселка — Зеебоден. Туда-то через неделю отправилась большая часть хористов, в числе которых был я.

США

Добровольец Иванов

(Продолжение следует)

БУЗУЛУК

Моим дорогим бузулуковцам сестре и брату Жибровым.

Вы явились в Париж с Бузулука,
Дорогая казачка моя.
Ваш приезд для меня здесь порука,
Что увижу родные края.
Написал эти строки я ночью,
А потом мне пригрезился сон,
Будто займище вижу воочью
И доносится хутора звон.
Там все те же луга дорогие,
И тоскуя свистят кулики,
И свистят мне про Дон и Россию
На косе Бузулука реки.

Бузулук, Бузулук... Там Кондратий
Воевал за родных казаков,
За свободу и поротых братьев,
За бежавших на Дон мужиков.
Два столетия прошло, и Кондратий
Жив в сердцах всех донских казаков.
Жизнь, как перстень, отдал он за братьев,
И прославлен на веки веков.

Будулюк, ты река дорогая,
Ты прими мой казачий привет.
О тебе здесь грустят, вспоминают
И для многих реки лучше нет.

Париж.

Н. Евсеев

ПОСТАВЩИК ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

В 1872-м году 12-го авг. в донскую столицу Новочеркасск прибыл Государь Император Александр II-й. Город в начале века взгромоздился на неуютной, открытой всем ветрам, непогодам, каменистой горе на подобие аула Гуниб, столицы Шамиля. Три ската горы и местами очень крутых, спускались к речкам, омывающим гору, Тузлову и Аксаю, четвертая широкая часть сливалась со степью. Правительственные здания и церкви доминировали над большой заселенной площадью города, которая была благоустроена только в центре.

Раздался могучий свист паровоза роскошного императорского поезда; торжественная встреча, красочные, парадные шеренги войск по пути следования Государя и его свиты к Атаманскому дворцу.

Войсковая старшина чествовала Государя и его свиту непревзойденными дарами вод и степей Дона и многолетними винами, поражавшими гостей своим вкусом, цветом, искристостью, ароматом, подобным нектару небожителей Олимпа.

На другой день были парады, смотры, лихие воинские упражнения, джигитовки, скачки ит. п. Тысячные толпы приехавших и пришедших из станиц и хуторов в старинных красочных нарядах, тесными рядами стояли у стен зданий, оград садов, где деревья были обсыпаны, как птицами, детьми подростками. Особенно выделялись молодые казачки, у которых с природной здоровой красотой сочетались сила, стройность, острота зрения, гармонирующие с безкрайними далями родных просторов, в которых родились, выросли, расцвели и целиком восприняли душу степи — ласковую, добрую с сияющей бездной голубого неба, с греющим солнцем. Но, вдруг, что-то непонятное разрушит гармонию степи и неба: зашумят гневно, заволнуются необъятные просторы, набежавшие тучи скроют ясное солнце, таинственный полумрак, страшный, бешеный ураган ломает, выкорчевывает деревья, срывает крыши построек. Все живое прячется, но сгустились, почернели, ниже к земле спустились тучи, непрерывные молнии, громовые раскаты, удары. — Стих ураган, дождик переходит в ливень, алчущая земля обильно впитывает воду, воскресает поблекшая растительность, дождевые стены понеслись дальше, а песни пернатых певцов волнами океана то взлетают в высь, то свергаются с высоты. Заликовала жизнь на небе и на земле.

А зимы с суровыми холодами, с крепкими

морозами, с глубокими снегами, со старшими губительными мятелями, когда замерзающий путник гибнет у околицы своего хутора или станицы. Где же не быть силе, находчивости, смелости, когда грозная природа то ласкает, то губит оробевших. Казаки век в походах «за зипунами» хватали из смардных гаремов женский отбор и они в ласке, на просторе, цвели яркими цветами степи. Вековая боевая непогода отвлекала казаков от родных куреней с милыми женами, дорогими детьми; но жены, воспитанные в особой тревоге, не страшались набегов хищников, а с оружием в руках защищали детей, стариков, старух, скот и разбойники с позором исчезали.

Но уже полтора века на Дону тишь и благодать. Явились правнучки славных прабабушек на смотр Великого Православного Императора необъятной России.

Государь был очень доволен парадами, воинскими учениями, джигитовками; радовало его присутствие тысячных масс казачества из семейно-хозяйственного быта, не без восторга прислушивался к лихим захватывающим мотивам казачьих песен, несшихся из края в край города.

Отпустив войсковые части, Государь в окружении войсковой старшины и свиты проследовал среди сплоченных масс восторженных горожан к Атаманскому дворцу, где столы ломались от богатой роскошной казачьей хлеба-соли. Наказный атаман по пути доложил Государю, что на следующий день будет представлена Его Величеству гвардейская часть. Государь пожелал при ее представлении быть в ее мундире.

Заведующий хозяйственной частью царя сообщил Атаману, что в гардеробе Государя нет нужного на завтра мундира, Атаман обещал все устроить. Решено было вызвать лучшего в городе портного Ивана Потураева и обязать его сшить за ночь требуемый мундир; для мерки заведующий дал мундир Государя. Быстро прибывший Потураев, внимательно выслушав приказ, сказал только: «Слушаю».

«Выручишь, наградим, в расходах не стесняйся», сказал Атаман. Закипело дело; было куплено нужное сукно и пр., вызваны четыре его лучших помощника, в помощь принесли царский мундир на смерку. Потураев попросил Атамана разрешить взглянуть только на фигуру Государя, что и устроил ему адъютант при входе Государя в столовую; очень довольным остался Потураев, но несколько смущенный взглядом Государя, обращенным на почтительно стоящих в орденах, лентах со-

ставляющих его окружение: возможно, что ничтожная искорка больших лучистых глаз Государя попала в напряженное зрение простого человека...

У Ивана Гавриловича Потураева и его четырех помощников закипела работа. Тишина, только деловой разговор... Жена Ивана Гавриловича, Аграфена Федоровна, приготовила ужин, портные и присутствующий в мастерской для охраны полицейский пристав хорошо поужинали, о горячительном ни звука, хотя то одного, то другого портного ищущая рука ходила по столу, но вид строгого пристава парализовал ее и она, как бы выправляясь, хватала солонку, перец горчицу или быстро опускалась в карман за тавлинкой нюхательного табаку, услащенного липовым цветом. Пристав оставался с портными всю ночь и ежели кому было надо, то призывался полицейский и портной шел с ним, чтобы не было обмана. На улице ходили два полицейских и проходившим наказывали скорей без шума проходить, какой-то выпивший огрызнулся полицейским: «чаво торопите, знаем, знаем, здесь Иван Гаврилыч царю мундир потрафляет, во славу Дона, дай ему Бог здоров'я». Полицейские, зная, что с пьяным можно наделать шуму милостиво посоветовали: «Проходи, проходи любезный, знаешь приказ, должна быть тишина, чтобы Иван Гаврилыч в аккурате справился с царским мундиром».

«Ну и вы, молодцы, в аккурате караул держите». И мурлыча песенку, скрылся.

А Иван Гаврилович с помощниками, обливаясь потом, творили Высочайший мундир, каждую строчку проходили зубами, разглаживали, растягивали, пригоняли много раз, измеряли царский мундир, головы, руки в непрерывном движении и временами быстрый умоляющий взгляд куда-то и сладострастная мысль: только бы рюмочку, но мечта сразу гасла при взгляде на бурбонистую красную физиономию с сизым мясистым носом пристава. Конечно, и суровый страж порядка понимал драму портных, но приказ, да еще полицмейстера! Неисполнение его грозило потерей долголетней «непорочной» службы, а главное обильных яств и пятий.

Заиграла заря, заканчивали работу сильно усталые портные, самый строгий просмотр всех деталей мундира уже при дневном свете; признав все в порядке, долго основательно чистили. Иван Гаврилович и один из помощников умылись, приоделись, завернули мундир в белоснежные куски материи и с приставом пошли в Атаманский дворец. Пристав доложил, где надо, и пристав и портные были впущены и передали царским лакеям

пакеты. Иван Гаврилович просил разрешения обождать, чтобы ежели что на примерке неладно, сейчас же поправить. Какой то из лакеев вышел, сказав: «обождите». Через полчаса пришел, видно большой, чиновник, любезно поздоровался; ответили по форме. И сказал он: — «Молодцы, ребята, мундир сшит в аккурате, по фигуре Государя, а вам вот 25 рублей, — работали всю ночь, устали, выпейте, а расчеты будете иметь со своим начальством». Иван Гаврилович с помощником поблагодарили, низко поклонились и, выйдя из дворца, радостные возвратились в мастерскую.

Застали всех спящими, разбудили. Обрадовались все, что все благополучно кончилось и все в один голос: «выпить, выпить, непременно выпить!» «Чичас, чичас», сказал Иван Гаврилович, — выпьем, закусим». У хозяйственной Аграфены Федоровны было все припасено и водка и закуска, был накрыт быстро стол. Сели все такие радостные и сразу выпили за здоровье Царского Величества, а там за лихих донских портных, и еще, и еще за что-то, а потом уже и прост так пили. Часа через два хозяин и помощники были вдребезги пьяны и мертвецки спали по лавкам и на полу; предостроительная хозяйка, хоть и была выпитая, заложила входную дверь, что-бы кто не побезпокоил спящих, да и сама не без труда влезла на кровать, утонула в перине и громко захрапела.

Еще два дня шли торжества в Новочеркасске и Государь отбыл, провожаемый исключительно тепло и сердечно войсками и казачьим народом, где присутствовали и патуревские мастера. Когда возвращались со станции домой, на Платовском проспекте уже открывались питейные заведения, зашли в одно, уже полное «гладившими дорожку» Государю Императору. Вошедшего Ивана Гавриловича присутствующие сразу узнали и громко закричали: «Ура герою Дона», бросились качать его и помощников, подносить. Речи, песни, гремело питейное от всего пережитого при приезде Государя... Донское казачество показало себя во всей силе и красоте, на все способное; пять, шесть часов и нужный мундир Государю готов...

В пьяной восторженной толпе Иван Гаврилович двинулся по другим «питейным», где гремело ура герою Дона и пр. пр.

Уже вечером, где-то в низовом кабаке, разгневанная Аграфена Федоровна нашла своего мужа, поругала для порядка, но, видя, что он вдребезги пьян, подхватила Гавриловича и потянула к выходу: сопротивлялся, но безнадежно, чествователи героя Дона разобра-

лись, что перед ними достойнейшая жена героя, закупорили двери кабака и усиленно просили Аграфену Федоровну к стойке. Поломавшись, согласилась. Как даме, целовальник и угощающие предлагали ей лучшего вина, включительно до Соколовской «шампани», но героиня плевала на барские затеи и потребовала просто водки и под ура, не моргнув глазом, осушила уемистый стаканчик, строго заказала мужу не подносить; кто то решил отметить « словом » присутствие « матери-героини », но пьяный говорок понес несурзное — от зарождения при Адаме казачества. Дальнейшее не было слышно за шумом восторгов в адрес героя и героини. Безтолковщину разрешила энергичная Федоровна: приказав целовальнику поднести стаканчик водки, она лихо выпила за присутствующих, третьим поблагодарила за любовь, внимание к ней и к мужу, а затем, выйдя на середину залы, стала в позу и только сказала: « Ну же », и понеслась под нужные звуки: свисты, выкрики, хлопанье, обрывки плясовых мотивов. Дородная Федоровна превратилась в молодую проворную и дала столько жизни, движения, внесла столько безграничного веселья, что исчезла у многих пьяная дурь и они составили круг танцующих по легкости, красоте, быстроте движений и разнообразию фигур восторгающих, захватывающих, — в круге лебедушкой плавала Федоровна, царица общего восторга, веселья, радости.

До полночи длился бал, все устали и от питья и от пляса, да и целовальник напоминал, что время закрывать заведение. Клиентура начала высыпать на улицу. Иван Гаврилыч был безсилен передвигаться. Три человека пытались его взять, но он сопротивлялся; подошла Федоровна, прикрикнула на него, легко, как ребенка, взяла и понесла. На улице несколько голосов шумели: « извозчика, извозчика » — Но глушь ночи отвечала молчанием. Поставив мужа на землю, она присоединилась к общему призыву: « извозчик, извозчик »... Ее сильный звонкий голос покрывал мужские, скоро с горы послышался стук колес, подков и наконец подъехал старик извозчик. Все обрадовались за Ивана Гаврилычу. Извозчик рассказал, что он уже собирался ехать домой, но услышал несколько мужских голосов, посчитал; вышли пьяные из кабака; подумал: дойдут, свяжись с пьяными и не разберешься апосля, только слышу женский голос да сильный, призывной, подумал может беда какая случилась, надо ехать, подсобить. —

« Спасибо, спасибо, дедушка, — многие сказали, — здесь Иван Гаврилович, дюже ослаб,

дойти домой не сможет ».

« Иван Гаврилыч, наш донской герой, я его бесплатно подвезу, сажайте », подошла Федоровна с мужем, посадила его, обняла, чтоб не выпал.

« Прощайте, прощайте, спасибо, дорогие друзья; трогай, дедушка » — сказала громко Федоровна.

« -Стой, стой, дедушка ». И один из друзей поднес ему чайный стакан водки и хлеба с колбасой на закуску. Поблагодарил старик, не успел еще выпить, закусить, как подошел другой с картузом: « Ну, дедушка, подставляй карман, скинулись помалости, что отозвался на беду, мы будем спокойны, что Иван Гаврилыч благополучно доедет до дома ».

Слезно благодарил старик, ссыпал пятаки и гривенники в карман, допил водку, доел закуску. Скинул шапку, поблагодарил добрую компанию, попрощался и зашевелил своего Серко, видимо не первой молодости. Приехали, Федоровна хотела уплатить, — « нет, нет, мне ваши знакомые заплатили, пусть будет здоровый Иван Гаврилыч и Вы, прощайте, » сказал старик-извозчик...

Ночь прошла спокойно, к обеду навалилась большая компания почитателей Ивана Гаврилыча, со своим обильным угощением, и загремели похвальные речи, песни, плясы. Аграфена Федоровна не перечила и тянула свое, тоже обильное, угощение, и сама не забывала себя водочкой. Чествование закончилось поздно вечером. На следующий день новая компания нагрязнула, Федоровна угощала, а сама подумывала; « для мужа уже и будя, выпивал он и раньше, но легче, побалуется денек, да и за дело, а таперича уже неделя пьяный и пьяный, да еще ее тревожило; начал заговариваться: — ...все глянул на царя, да и снял размер, точка в точку, а что прислали царский мундир для размера, оказался не нужен... Посидит, выпьет и опять..., только глянул... а там и дальше, ...что я спас от позора Дон..., и другое, никчемное, буровит, но пока по пьяну, а не дай Бог по трезву »...

По трезву он думал о словах Атамана; — « будет де с мундиром все хорошо, наградим; вызову, скажешь, что ты хочешь в награду ». — Будет де он просить пенсию по гроб жизни, чин старшего урядника, через приказного и младшего урядника, и ишшо диплом на поставщика Двора Его Величества Государя Императора, с золотым орлом и золотыми буквами, да ишшо Аграфена гудеть: два отреза шелка, на два рясных платья, красного и желтого, и ишшо — забыл...

До обеда работал Иван Гаврилыч, знали друзья, что он ждет вызова Атамана, а выз-

вать магеть до обеда. После обеда приходили и снова..., за героя Дона и пр. пр.

И снова де, «...взглянул на Государя, а Он и говорит атаману, какой у тебя способный портной, только глянет», и пр. Стала Федоровна потихоньку отваживать друзей от дома, много — де работы, а Иван Гаврилыч после обеда и уйдет из дома и без денег, вечером приведут пьяного, а на утро какая работа и помощники горюют: такой умелый закройщик к работе не годен.

Наконец, пришел рассыльный и сообщил, что его вызывают к 10 часам к атаману. Поднесла Федоровна посыльному водки, поблагодарил и ушел. И начала обряжать мужа в парадную тройку, аглицкого сукна, наваринского дыма с искрой, белоснежная крахмаленная сорочка с черным мотыльком на шее, лаковые сапоги с бутылочными голенищами, красный глаженный платок в карман, вынула Федоровна из картонки новую казачью фуражку, с красным околышом и кантом на верху и с кокардой, но помощники, да и Иван Гаврилыч, решили, что де не по моде и не по уставу фуражка к тройке, нашлась черная шляпа-котелок, хотели пустить по животному пространству Ивана Гаврилыча позолоченную цепочку, но раздумали: идешь, де, к атаману с просьбами просительными, а блестяшь золотом. Дернул для прочистки мозгов в оба носовые отверстия по хорошей щепоти нюхарного табаку, Федоровна из бутылочки что то налила в стакан и приказала Гавриловичу пополоскать рот, чтобы, когда будет говорить с атаманом, не перло от него водочным смрадным перегаром.

Из окна жена увидела проезжающего извозчика, окоротила и приказала подать экипаж к подъезду, хотя до дворца было пять минут ходу. Растерянный, но важный Иван Гаврилыч был засыпан благими пожеланиями, главное не забыть просьб, а особенно гудела Федоровна до самого отъезда, чтобы не спутал цветов на отрезы шелка. Толстый бородач извозчик получил приказ: «к дворцу», тряхнул бородой, почухал всей громадной пятерней виски, стриженные под горшок, и сообщил, что Иван Гаврилыч, вызван к Атаману по большому делу, и «пяшой не полагается». Замахал кнутом, задергал возжи и лошаденка, почти в скачь через три минуты подкатила с громом по булыжной мостовой к подъезду дворца экипаж с Иваном Гавриловичем, который важно, не спеша, сошел, вручил извозчику три медных пятака и поднялся к парадной двери.

Парные часовые, увидя галмана (штатского), не салютовали. Войдя в приемную, где

сидело несколько офицеров и дам, Иван Гаврилыч робко стал у двери. Адъютант вызывал по очереди к Атаману. Подойдя к Ивану Гаврилычу, предложил сесть на стул. Ждал около часа и наконец был приглашен к Атаману — генерал-адъютанту Черткову. Войдя в большой роскошный кабинет и увидя Атамана, Иван Гаврилыч низко поклонился.

«А Потураев, здравствуй, любезный», сказал Атаман.

Иван Гаврилыч четко ответил: «Здравия желаю Вашему Высокопревосходительству». Атаман сразу перешол к делу: «Ты, Потураев, оказал нам большую услугу, изготовив нужный мундир Его Величеству Государю Императору и мы должны тебя отблагодарить; что бы ты хотел иметь? говори, не стесняйся».

Ободренный снисходительными словами Атамана, портной посмелел и доложил: «Желаю иметь денежное удовлетворение себе и помощникам, желаю быть пожалован в звание старшего урядника, я простой казак, покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство патент на звание поставщика Его Императорского Величества, что будет способствовать моему ремеслу, и ишшо последняя просьба, прошу пожаловать моей жене шелковой материи на два платья, желтого и красного цвета».

Закончив, Иван Гаврилович низко поклонился Атаману, который, улыбаясь, что то быстро отметив в бумагах, сказал:

«Все твои просьбы мы рассмотрим и думаю, по всем будешь удовлетворен, исключая патента, так как это дело зависит от Петербурга, но я там имею нужные знакомства, может быть и выхлопочу, что тебе будет на пользу, а столице Дона на украшение, но нужно будет обождать два, три месяца. А теперь, Потураев, иди с Богом, наше решение будет вскоре».

Низко поклонившись Атаману, Иван Гаврилович вышел из кабинета. Действительно, вскоре был принесен пакет из атаманской канцелярии, где Потураеву сообщалось, что в воздаяние его заслуг перед Доном ему жалуются звание старшего урядника и пожизненная пенсия 7 рублей в месяц, кто то из советников Атамана, зная Потураева, как любящего временами выпить, посоветовал дать пенсию: в случае сопьется, будет все же на хлеб. Приложено было сто рублей помощникам и талон в магазин материи для Потугаевой, на два отреза шелка, для двух платьев по ее выбору. Росписался, угостил рассыльного, проводил, передал деньги помощникам да с радости запили, дернула и Федоровна и, не

выгерпев, побежала в магазин с талоном, хозяин с приказчиками завалили прилавок горою шелка перед знатной клиенткой, были учтены сообща возраст Федоровны, ее кубовинькие формы, плотность, грация, красоту нарядные платья создадут, коммерсант посоветовал по лишнему аршину к отрезам на возможную прибавку дородности, а что качество шелка было вне конкуренции и доступно было лишь исключительно богатым. Подружки спустили Федоровну по ступенькам на улицу, мальчик нес за ней аккуратно упакованные отрезы. У порога дома взяла Федоровна пакет, дав мальчику гривенник, радостно вошла в помещение, где нашла всех портных пьяными и мужа говорящего: « как глянул на Государя, так как сфотографировал », — цукнула мужа, приказала распустить отрезы и держать на весу и получился пожар: огонь переливался красным, желтым цветом, не горел, а радовал всех и разрешилась еще водка, пироги; гуляли до полночи, помощники спали по лавкам.

С трудом вставали, похмелялись, а в дом ломились с подношениями, поздравлениями друзья, почитатели героя и героини Дона.

Тосты, песни, танцы, Федоровну окутывали пожаром красного и желтого огня, а кругом пожарщики с полными стаканами вина, водки, в присядку несутся, выделявая замысловатые па, а на носу стакан. Вдруг истерический крик Федоровны: « Горю, горю, спасайте, спасайте, люди добры ».

И моментально все стаканы выплеснули в огонь глоток и ни капли на пол. Красное, желтое пламя взлетает над Федоровной, она кланяется во все стороны и благодарит пожарщиков за спасение. Умные толковые гости не держали хозяйку в тени, зная, что с ней уйдут штофы водки и закуски: « Ты, де, сделала счастье и славу мужу и Тихому Дону », а серебряная чарочка по столику похаживала чаще к Федоровне, и за ее славные дела гремело ура — « Ура, да и пить де дорогой, да безценной Аграфене Федоровне »...

А она, веселая, в кладовку, а назад с парой бутылок водки, с пирогами, а навстречу ей и вприсядку, и так и этак, не утерпит и с подношением понеслась молодухой...

И сколько казачество из веков боевой тревоги вынесло всепобеждающих мотивов, движений души и тела, то глубокое безкрайное прощание с жизнью, часто молодой, когда оставалось только одно, — продать дороже жизнь и продавалась ценой неопцененной. Редко фортуна с завязанными глазами, на своем крылатом колесе, заглядывала с рогом изобилия в убогие укрепленные жилища

казаков, жесток был уклад жизни вокруг. Но радости, часто скромные, встречались бодро с захватывающими песнями, с лихими грациозными танцами, краткие периоды мирной жизни были стремлением наладить лучшую жизнь. А юмор так богат у казаков, где часто под грубой формой таилась глубокая мысль, мораль, а еще чаще просто смех, заражающий всех смех, и все тело в движении, крики: « так, как, как »... и меткое слово, мысль в движении, и в нужный момент улыбаясь исчезает, оставив застывших в движении произнесенных все побеждающим смехом...

Как самый крепкий гранит, казачество смогло быть века бессменным часовым Руси, России на ее исторических путях; в страшные годы безумств в экстазе сатанинства, не раз спасало население в сто раз превышавшее казачество, сбрасывало в реку времен, которая в своем течении топит все дела людей, царства и царей.

« Мавр сделал свое дело, мавр может уйти » (Шекспир).

Наконец, все устали, обезсилили, потянуло домой, на отдых, пили стремянную, целовались, разошлись, остались только хозяева. Была заперта дверь, спали крепко до обеда. После обеда заглядывали два три раза поздравители. Федоровна на пороге заявляла: « Иван Гаврилыч болен лежит, апосля ». На другой день утром пришли два помощника, два рассчитались, увидя, что Потураев с пришедшей ему славой испортит хорошо налаженное раньше дело. И ховяева и помощники взялись за работу, плохо она шла, поднесла Федоровна водочки, ободрились, зашевелились, а Иван Гаврилович собрался уже рассказывать про царский мундир, но Федоровна строго посмотрела, — « окоротись, апосля, работать нужно ». — Развернул Потураев сукно, разметил, вырезал кое-что, да и смотрит, что дальше делать. Стали помогать — не вяжется. Нет бойкого смекалистого закройщика, а он весь в думах, руками кабы обглаживает, что то улыбается. Затужила Федоровна, видит — ее опаски сбываются, чтой-то с мужем приключилось. К вечеру пришли поздравители, пять человек со своим прикладом, выпили, попели, выпросили Гаврилыча у жены погулять, неохотно согласилась Федоровна. Привели в полночь вдребезги пьяного и все лепечет про царский мундир... Не ладилась работа, Иван Гаврилыч старался улизнуть из дома, денег не просил, в любом кабаке находил друзей, напавали и приводили домой. Стали лучшие заказчики забирать материал; Федоровна с помощниками шили бед-

ным чиновникам, горожанам низовым.

Потураев немного поработает и уходит, приходит пьяный и спать, а во сне про мундир лепечет. Но настало некоторое просветление, стал вникать в работу, меньше пить. Осторожно хозяйка стала зажимать копейку, боясь, вернется болезнь и ни родни, ни друзей. Вышел патент на поставщика Его Величества, ободрился, ожил Потураев, заказал золотого орла, вывеску с золотыми буквами. Приходили поздравлять, Потураевы благодарили, но слабо угощали. Блеск ли золотого орла, вывеска ли подействовали на Гаврилыча, начал нормально работать, пошли хорошие заказы.

Выйдет ли молодой хорунжий, или почтенный майор от Потураева, мундиры одно заглядение, а пройдутся по Александровскому саду, и дамы и девицы глаз не сводят со стройных фигур, отбивающих парадный марш. Радовалась Федоровна благополучию мужа, но все же еще внимательнее присматривалась к нему и находила, что не все с ним, как до царского приезда, какая то видимость тягости в голове и он вздрагиванием старается освободиться от чего-то ненужного. Молчала, замкнулась. Больше года тянулось благополучие, работал как раньше, очень мало пил, но становился из бывшего весельчака, говоруна, молчаливым, задумчивым.

Затревожилась Федоровна, предчувствуя возвращение болезни мужа, была с ним особенно ласкова, предупредительна, старалась быть бодрой, веселой, развлекала его смешными рассказами, вызывая временами улыбку, оживление глаз, но роковая неведомая болезнь приближалась. Уже он плохо соображал в своем деле и пришлось отказываться от ценных заказов и скоро от портняжной работы совсем. Федоровна с двумя старыми помощниками работала на дешевых заказах.

Чем дальше, тем больше отрывался Гаврилыч от привычной обстановки. Федоровна по прежнему внимательно следила за мужем и решила, что его положение есть следствие таинственных сил, называемых в народе «причиной», которую якобы знахарь и ворожей умеют снимать. Поделилась Федоровна с близкими ей женщинами своими мыслями, посоветовали, указали на нужных, знающих. Звала, охотно приходили, шептали, дули, плевали, заставляли пить какое то зелье, сулились снять причину, затягивали лечение, т. к. Федоровна хорошо платила, кормила-поила. Помощи не было.

Закрывает двери от бабок, ведуний, знахарей. Обратилась к духовенству, молилась усердно, привлекала к молитве мужа, зака-

зывала молебны о здравии болящего Ивана, улучшений не было. Посоветовали к докторам. Водила, поверхностно опрашивали, давали рецепты, состояние больного не улучшалось, уже почти потеряв веру в докторов, решила еще пойти к молодому недавно приехавшему доктору.

Внимательно выслушав подробный рассказ Федоровны о зарождении болезни после встречи мужа с Государем, доктор понял, что имеет дело с психически больным, от случайной встречи двух взглядов, одного величественного, полубожественной красоты и силы Великого Монарха, переживающего в скромном окружении исключительно преданных Ему больших людей, тяжесть великих реформ, ужасы безумных заговоров, покушений. И другой, робкий, простой, земной человек с слабо одаренной духовностью. Не вместились невместимое, произошли умственные сдвиги, вызвавшие болезнь-полубезумие.

Занялся серьезно Иван Гаврилычем доктор, два раза в неделю по часу, просто, возможно понятнее, беседовал с ним, говорил, что в людях нет резкой природной разницы, а есть только искусственная и надо спокойно относиться к случайным поразившим встречам, разобрал подробно его встречу с Государем, сделал выводы и так в дальнейшем, путем дружеских бесед, в голове Ивана Гаврилыча происходили медленные сдвиги, появлялась улыбка, радость понимания, и продлись 2-3 месяца столь удачный метод лечения, возможно, что Потураев был бы здоров. Но доктор был вызван харьковским университетом, где продолжал дальнейшее образование и был в дальнейшем известный психиатр.

Два-три месяца чувствовалось улучшение, и снова тоска, пустой взгляд — последние надежды исчезли... Были сняты загрязненный птицами золотой орел и вывеска, Иван Гаврилыч закончил свою работу, т. к. был безнадежно болен. Бедняк еще около двух лет угасал. Неосторожные советчики уговаривали Федоровну поместить мужа в дом для сумасшедших, но она честно сказала: «35 лет жили дружно, любовно и перед концом его жизни вы советуете, сопхну его в дом сумасшедших? Надо будет, все что имею проживу, а он будет при мне до смерти». И проявляла исключительные заботы, водила гулять в сад, был он безразличен ко всему, отходило последнее сознание ума.

Предвидя близкую смерть, пригласила Федоровна священника, совершил глухую исповедь, причастил и через два дня Гаврилович тихо-тихо отошел... Федоровна устроила торжественные похороны с духовенством, певчи-

ми, провожало много людей; любили, уважали честного, доброго Ивана Гавриловича. Через пол года, на собранные его друзьями деньги, был поставлен приличный памятник.

Еще несколько лет Федоровна, с единственным помощником, перешедшим к ней с семьей на квартиру, продолжала скромное портняжное дело, а затем продала дом помощнику, а себе купила на окраине города, близко к кладбищу, маленький домик, где в окружении бедных семей, под названием «бабушки Потураихи», любимой, уважаемой, творила простое христианское дело; молилась в ближайшей церкви, посещала могилу мужа, крестила, растила, женила, лечила, обшивала и другие добрые дела творила.

Дар Дона, шелковые отрезы, сохранила, за смертью мужа носила только темное, и отрезы пошли на радость молоденьким бедным невестам. В конце девяностых годов, в глубокой старости, тихо безболезненно скончалась.

Перед смертью расписала скромные остатки имущества окружению, которое с великим плачем отнесло на руках «бабушку Потураиху» на кладбище и под чудные погребальные слова священника и глубокие мотивы певчих, опустили в могилу рядом с мужем Гаврилычем.

Рассказ отца, начала века.
Ян. Богаевский

ПАМЯТИ ПОЛКОВНИКА П. Н. КУДИНОВА

19-го окт. в Болгарии после тяжелой болезни скончался полковник Донского Войска Павел Назарьевич Кудинов, казак станицы Вешенской, хутора Средне-Дударевского.

С его именем связана одна из страниц истории гражданской войны на Дону — восстанием казаков Верхне-Донского округа в начале 1919 г., когда волей судеб бывший вахмистр Кудинов стал во главе 25-тысячной армии восставших.

Родился П. Н. в 1891 г. в многодетной бедной казачьей семье и с детских лет был принужден сам зарабатывать себе на жизнь. Суровая самостоятельная жизнь выработала в нем сметливость, наблюдательность и сильную волю.

Накануне 1-ой Мировой войны — П. Н. Кудинов лихой вахмистр 5-сотни 12-го Донского казачьего полка, имевший ряд призов, полученных в спортивных состязаниях. Во время Великой войны он проявил большую храбрость, заслужив все 4 степени Георгиевского креста. Затем, после небольшого учебного стажа — производство в прапорщики, орден Св. Станислава с мечами и бантом и производство в хорунжие.

После развала фронта Кудинов, вернувшись на Дон, принял участие в борьбе с большевиками. В июне 1918 г. он начальник пулеметной команды 1-го Вешенского конного полка, в рядах которого был ранен.

К концу лета вся Донская Область была очищена от красных. Боевая обстановка, ка-

залось, была благоприятна, но с наступлением зимы она изменилась. Наступившие холода, отсутствие теплой одежды и боеприпасов, неудовлетворительная служба тыловых учреждений и их несправедливое отношение к частям, находившимся на фронте, большевистская пропаганда, умело воспользовавшаяся создавшимся положением, были причиной того, что в самом конце 1918 г. казаки верхних округов, без согласия высшего командования, начали переговоры с красными, обещавшими, если донцы не пойдут дальше на север, оставить в покое Донскую Область. Большинство казаков северных округов разошлись по домам. Полки же Донской Армии, укомплектованные казаками южных округов, оказывая частичное сопротивление, спешно уходили на юг.

Но уже в январе 1919 г., красные, нарушая свое обещание «в Донскую Область не ходить», заняли станицу Казанскую, а затем и весь Верхне-Донской округ, устанавливая советский режим со всеми его «прелестями»: грабежом, насилием, произволом и жесточайшим террором. Казаки убедились, как ошибочно было верить обещаниям красных. В ночь на 26 февр. казаки хутора Шумилина Казанской станицы уничтожили карательный отряд большевиков. Это было начало новой борьбы. Восстают станицы Казанская, Мигулинская, Вешенская, Еланская и др. В начале марта произошло объединение всех групп восставших и их командующим был

выбран сотник П. Н. Кудинов, ставший во главе 25-тысячной армии, состоявшей из пяти конных дивизий. Это была действительно народная армия. Все боевое начальство было выборным, дивизиями командовали хорунжие, подхорунжие, полками — урядники, ведь большинство офицеров ушло на юг с Донской Армией при отступлении в 1918 г. Но нужно было не только воевать, но как то организовать и тыловые службы: снабжение огнеприпасами, питание. Восставшие были окружены кольцом красных — фронт был кругом.

Несмотря на выборность начальства, дисциплина в частях была образцовая. В строю были все способные держать оружие, не было ограничения возрастом, были и казаки, дравшиеся наравне с казаками. Содержание и довольствие были обязанностью населения, деды несли службу по снабжению и транспорту, малолетки — почтовую связь между станицами и отдельными частями. Неудовлетворительно обстояло дело с медикаментами — их не было. Больные и раненые получали помощь уходом и временем. В начале не хватало вооружения и огнеприпасов, но потом были созданы свои примитивные патронные и оружейные заводы. Патроны стали делаться из находившегося на одном из хуторов склада холостых снарядов, а пули отливались из свинца, собранного по казачьим хозяйствам. Брали огнеприпасы и в боях с красными.

До конца мая бились казаки, неоднократно разбивая отборные большевистские части (отряды ЧОН-а, матросов, курсантов, латышей), имевшие большое численное превосходство. Уже в апреле против восставших действовало 40 тысяч красных, а в начале мая с фронта Донской Армии была еще направлена 9-ая Советская армия — всего более 60 т. бойцов.

Долгое время у восставших не было никакой связи с Донской Армией, несмотря на то, что для этого неоднократно посылались гонцы. Не знали подробностей о восстании и в Штабе Дон. Армии, куда доходили какие то смутные неопределенные сведения. Наконец, в середине апреля удалось установить связь по воздуху прилетевшим с юга аеропланом Дон. Армии. Этот первый полет был для летчиков делом очень рискованным — ведь они не знали ни района восстания, ни об его масштабе, с самолета нельзя было определить, какие перед летчиками — красные или казачьи части, и при спуске они легко могли попасть в плен к большевикам. А затем, в конце мая, большая конная группа ген. Секретева из Дон. Армии соединилась с восставшими. Так закончилось восстание Верхне-

Донцов. П. Н. Кудинов был произведен в есаулы, а потом и в полковники и до конца гражданской войны участвовал в борьбе с большевиками. *)

После он проживал в Болгарии, но в 1944 г. при ее занятии советской армией был схвачен и отправлен в Москву, там был судим, но суд решил, что, за давностью событий гражданской войны, он суду не подлежит. Однако, на решение суда Берия наложил резолюцию о ссылке П. Н. Кудинова на 10 лет в концлагерь, в Сибирь. После долгих мытарств по разным тюрьмам и 10-тилетнего пребывания в тайге, через 14 лет он был выслан обратно в Болгарию.

Последние годы П. Н. Кудинов сильно бедствовал, здоровье его было сильно подорвано, пенсию он не получал, право работать было сильно ограничено.

После него осталась вдова, тоже преклонного возраста, так же бедствующая, обратившаяся с просьбой помочь ей поставить крест на могиле покойного донского казака полковника П. Н. Кудинова, верно служившего своей Родине. Сама она сильно нуждается и не может этого сделать. Просила помочь и ей.

Будем надеяться, что русские люди и в первую очередь донские казаки это сделают.

Взносы принимаются у председателя Казачьего Союза В. М. Кузнецова или на текущий счет Каз. Союза.

(Union des Cosaques, ССР: 21 209 10 — Paris) — 37, rue Gallieni. 92 — Malakoff. (France).

Б. Богаевский.

Правление Каз. Союза сообщает, что на обращение с просьбой помочь вдове П. Н. Кудинова осуществить ее желание поставить скромный памятник на могиле ее мужа и помочь ей отозвались следующие лица: В. М. Кузнецов — 20 фр., П. Г. Халеева — 50 фр., А. М. Дадонов — 5 фр., Н. П. Казинцев — 20 фр., Н. А. Ломакин — 20 фр., Б. А. Богаевский — 50 фр., Н. Ф. Пузанов — 30 фр., И. И. Сагацкий — 20 фр., Б. Ф. Дубенцев — 10 фр., Н. И. Греков — 10 фр., С. Артемов — 10 фр., Кучкин — 5 фр., Н. Г. Зубов — 2 фр., П. Приходьков — 100 фр., М. П. Сергеев — 20 фр., Г. Т. Калмыков — 50 фр., Т. Г. Поляков — 100 фр., А. С. Кулягин — 20 фр., И. Я. Крюков — 13 фр.,

Правление просит жертвователей принять искреннюю благодарность за проявленную ими казачью солидарность Сбор продолжается. — Председатель Каз. Союза В. Кузнецов.

*) В «Год. Крае» были помещены воспоминания самого Кудинова об этом восстании. (№ 58, 59, 60, 61)

ИЗ КАЗАЧЬЕЙ ЖИЗНИ ЗА РУБЕЖОМ И ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

● **От Представителя Кубанского Войскового Атамана во Франции.** — Получив постановление (резолуцию) 15-го очередного Кубанского Войскового Сбора, состоявшегося 29/10/67 в Нью-Йорке и представляющего почти 1500 голосовавших кубанцев, довожу настоящим до сведения всех казачьих и всех общероссийских, общественных, воинских и церковных организаций, а также и всех казаков всех Казачьих Войск, что на выборах 4/12/1966 г. в полном согласии с действующим положением о выборах на пост Кубанского Войскового Атамана большинством 63-ех делегатских голосов против 50-ти избран полковник Владимир Иванович Третьяков.

Всем вышеупомянутым лицам и организациям надлежит обращаться по делам Куб. Каз. Войска только и исключительно к Войсковому Атану полк. Третьякову.

Кубанских же казаков Войсковой Сбор призывает дружно сплотиться вокруг своего Атамана и поддержать его в его тяжелой работе по сохранению Войска и восстановления его единства, грубо нарушенных незаконными действиями и поведением войск. страж. Ткачева, нарушившего данную им атаманскую присягу и вызвавшего в Кубанском Войске небывалую еще смуту. Подлинная резолюция Куб. Войск. Сбора подписана: почетным председателем ген. Науменко, председателем Сбора М. К. Кулик, заместитель предс. Войск. Старш. Гулый, инж. Баев, секретари: Бабушкин, И. Бублик.

Объявляя настоящее постановление Войск. Сбора, считаю долгом напомнить кубанцам, что у нас существует во Франции одно единственное Объединение кубанцев (Arrêté du Ministère de l'Intérieur J. O. № 276-49), которое одно правомочно выступать от лица кубанских казаков, проживающих во Франции и которому надлежит избавиться от составителей фальшивых списков и делегатских полномочий, дабы пресечь их злостную работу на пользу большевикам.

С 1920 г. по декабрь 1966 г. мы, кубанцы, были едины, во главе нас стоял ген. Науменко (за исключением последних 8-и лет). Он же нас и зовет теперь в одну кубанскую семью, что нам и надлежит выполнить». — Представитель Кубанского Войскового Атамана войск. старш. Зайцев.

● **Переключка партизан участников Степного Похода** — В феврале 1968 г. исполняется 50 лет с тех пор, как Донские партизаны, не выдержав, вследствие своей малочисленности, натиска Красной Гвардии и не желая

сдаваться на милость победителя, а также для сохранения в пределах одна идеи борьбы с большевиками, ушли, по инициативе походного Атамана Донского Войска — ген. П. Х. Попова в Задонские степи. Оттого поход назван Степным, а партизаны — Степняками.

Сколько участников этого легендарного похода осталось в живых к 50-летию его начала — неизвестно.

С целью установить число оставшихся в живых участников похода, объявляется переключка. Прошу Партизан-Степняков, рассеянных по всему миру, сообщить мне как можно скорее: 1) чин или звание, имя отчество и фамилию, какого отряда и настоящий адрес; 2) фамилии других, еще живых участников похода, по каким-либо причинам не могущих лично откликнуться, но известных откликающимся, с указанием о них, по возможности, данных, указанных в параграфе 1-м.

Все сведения посылать по адресу:

Mr. Padalkine — 3, rue Jobbé-Duval
75 — Paris-15e. France.

Просьба к другим эмигрантским газетам и журналам перепечатать настоящее обращение.

Заместитель председателя Союза Партизан — Степняков Вице-председатель подьесаул
А. Падалкин

● **В Донской имени ген. П. Н. Краснова станице в Нью-Йорке.** 19. ноября 1967 г. Станицей было устроено под председательством инж. И. Б. Белоусова собрание казаков по случаю 50-тилетнего юбилея коммунистической власти в СССР. После обстоятельного доклада атамана Станицы ес. А. И. Тульцева о событиях 1917 г. собранием был принята единогласно следующая резолюция:

« 1. Донские казаки, как и все Казачество, неизменно остаются верными своей КАЗАЧЬЕЙ ИДЕЕ, своей старой позиции в отношении Коммунистической власти в СССР и верными заветам той борьбы, какую наши отцы и братья на Родине вели с коммунистами-большевиками.

2. Советско-коммунистическая власть неизменно остается властью интернациональной. Ее основной задачей являются не проблемы национального права и благополучия, а коммунистическая революция во всем мире.

3. 50 лет диктатура Московских коммунистов беспощадно подавляет свободное творчество во всех областях жизни народов нашей Великой Родины России, неугодных своей власти предавая мучительной смерти или истязая и заключая в тюрьмы или в дома

умалишенных или ссылая в каторжные работы в концентрационных лагерях на далеком Севере, отдаленнейших углах Сибири и Средней Азии.

4. 50 лет Московская Коммунистическая власть под предлогом борьбы с религиозными «предрассудками» ведет гонение против каждой религиозной веры и совести и против всякого духовно-морального начала.

5. В форме «колхоза» Московская Коммунистическая власть вновь закрепостила природных землеробов — крестьян. В форме «совхоза» эта власть лишила рабочих самых элементарных прав на защиту своих интересов и элементарного устройства своей жизни. В форме государственного хозяйства эта власть убивает всякое свободное хозяйственное творчество и инициативу, заменив их мертвящей бюрократической системой. Все это на языке Московской власти называется «социалистическим хозяйством». Единственными хозяевами всего достояния народов нашей Родины является Коммунистическая партия и ее очередные диктаторы.

6. Вот те «достижения», смысл и значение коммунистического юбилея, какой так пышно отпраздновала Москва.

7. Московский юбилей для всего Казачества и, в особенности для Донского, является тем грозным — Помни час смертный —, указывающий Казачеству необходимость теснее сомкнуть свои ряды, прочно хранить заветы отцов и братьев — борцов и своей организованностью и единством добиваться возрождения Казачества и воскресения своей Великой Родины.

8. Московский Коммунистический юбилей должен дать новый импульс жизни эмигрантскому Казачеству и повелительно напомнить в с е м у ему, чтобы ни один казак и казачка не были вне своей Войсковой организации».

● **Письмо в редакцию «Род. Края»** ес. Е. Е. Ковалева. В №№ 110 и 111 журнала «Каз. Единство», г. Плахов поместил большую статью с длинным подзаголовком: «Еще о последних днях Степного Похода, восстании ст. Баклановской и о роли Походного Атамана ген. П. Х. Попова». Она является ответом на мою статью в № 67 «Р. Края», в которой я опроверг три пункта «поправок» г. Плахова, касающихся Степного Похода.

В своей статье Г. Плахов снова пытается доказать, что он прав и статья носит характер полемический. Продолжать эту полемику я однако не намерен и вот почему. В № 28 «Род. Края» г. Плахов поместил статью «Как не надо писать историю» и было бы хорошо, ес-

ли бы он сам придерживался тех советов, которые давал другим. Но уже тогда, иллюстрируя свою статью примерами и исправляя неточности, он следал несколько ошибок, вызвавших немедленно опровержения. Теперь он рецидивирует. Участником похода он не был, никаких документов не имеет и делает свои мнимые поправки, занимаясь казуистикой и ворожкой, наперекор свидетельству участников похода.

Такие поправки искажают историю и только. Ни один серьезный историк не примет их во внимание, как не имеющих исторической ценности. Но г. Плахов не скупится на похвалы самому себе и делает это трижды. (Мое выражение «стало известно» вполне правильно и логично. Выводы мои совсем не «изумительны», а вполне обоснованы. И здесь мои выводы и логичны и правильны. № 110 «Каз. Единства»). Было бы лучше, если бы оценку сделал кто-нибудь другой, достаточно компетентный ибо в своей самоуверенности Г. Плахов не замечает, что его логика порочна, а события, особенно в период революций и гражданских войн, часто развиваются независимо от логики.

Относительно же событий в районе Котельниково-Ремонтная, где по словам Пох. Атамана восставшие казаки замитинговали и бросили позиции, что Г. Плахов считает выдумкой ген. Попова, написанной много времени спустя, я должен заметить, что «Записки Пох. Ат-на» были опубликованы не «много времени спустя», а в сентябре 1918 г. Большинство участников этих событий в то время были еще живы и, если бы ген. Попов опубликовал заведомую неправду, это вызвало бы протесты. Атаманом в то время был ген. Краснов, отношение которого к руководителям Степного Похода было, мягко выражаясь, прохладное. Он и его окружение не упустили бы случая дискредитировать ген. Попова. Однако никаких протестов и никакого шума это свидетельство ген. Попова в то время не вызвало».

● **Исправление неточностей.** — В № 72 «Род. Края» в некрологе «Памяти Партизана-степняка», написанном А. П. Падалкиным, вкрались неточности, которые нас просят исправить: полковник Проциков не был преподавателем, а был офицером воспитателем, а затем командиром 1-ой сотни Донского Кадетского корпуса. Вообще классных наставников в кадетских корпусах не было, а были офицеры воспитатели.

● Вышел № 1 вестника связи **Объединения 1-го Казачьего Юнкерского Училища Казачьего Стана «Юнкер, Слушай»**. Адрес редак-

ции: I. G. Gribov (Gray). P. O. Box 562. Shreveport, La. 71102 USA.

Редакция «Род. Края» от всей души приветствует появление нового собрата по оружию, или вернее «по перу», и также приветствует образование нового Объединения, ибо это доказывает, что «не сгинули еще казаки, есть еще порох в пороховницах». Казаки 1-ой эмиграции верно и неуклонно, и все быстрее уходят в иной мир и вопрос их смены был очень болезненным вопросом. Создание же Объединения из людей более молодого поколения показывает, что эта смена существует и что она осталась, судя по содержанию Вестника, верной казачьим заветам наших отцов и дедов.

«Бог на помощь» юнкерам 1-го Казачьего Юнкерского Училища.

● **От издателей «Казачьего Словаря-Справочника».** — (Склад издания: Scrilov, 15 Bungalow avenue, San Anselmo, Cal. 94960 USA — 2-ой том Каз. Сл. Спр. будет разсылаться подписчикам по получению его из типографии в начале года. Цена каждого тома — 5 долл. с пересылкой. Приступлено к систематизации материала для 3-го (заклочительного) тома, от буквы «Р» до конца алфавита.

Для сведения подписчиков сообщается, что около 70 библиотек, городских и университетских США, Австралии, Англии, Шотландии, Франции, Германии, Канады и Израиля подписались на все издание.

● **К Казакам Сибирского Казачьего Войска.** (От редакции. — К нашему сожалению, поздравление сот. Красноусова из далекой Австралии пришло слишком поздно, чтобы быть помещенным в рождественском № «Род. Края»).

Станичников — Сибирцев...!

Сердечно поздравляю с праздником родного нам **СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА** — «С ВОЙСКОВЫМ НИКОЛИНЫМ ДНЕМ!»

Вот уже почти пятьдесят лет, как мы пребываем оторванными от родного края, но мысли наши, в особенности в этот день, неизменно направлены туда к родному Иртышу, где Ермак Тимофеевич в 1584-м году заложил основание нашем Войску.

383 года прошло с того дня!! За этот период времени мы сумели получить наименование «Всеначального Войска Сибирского», положившего основу Дальневосточным казачьим Войскам, участвовали в ряде войн, заслужи-

ли четыре Георгиевских знамени и прочие «Георгиевские награды», а в 1919-м году, в разгар гражданской войны, мы все, по зову своего Войскового Круга, встали на защиту Родины и Войсковой территории против наседавшего красного врага.

Судьба не судила нам быть победителями в этой борьбе, но мы вправе сказать, что «свое мы дело совершили».

И сейчас, в эмиграции, мы не забыли своего Войска и заветов наших предков, которых так картинно и образно описала наша «войсковая гордость» — поэтесса Мария Вячеславовна Волкова, в своем стихотворении «Землепроходцы».

Наш возраст не дает нам надежды на то, что мы, выполнив свою задачу «землепроходцев», вновь вернемся к себе на Родину — в родную нам Сибирь: мы все — еще «в походе», и этому походу не видно конца, а наши братья там — в Сибири все еще ждут нашего возвращения домой.

Вспомним сегодня их, оторванных от нас, вспомним былую славу нашего Войска и поднимем заздравную чашу за ныне еще живых «землепроходцев», до сих пор продолжающих выполнять свой долг перед Родиной и Войском.

Вечная память погибшим сибирцам и многая лета еще и поныне здравствующим!! Слава родному Сибирскому казачьему Войску и верным его сынам. УРА!!

Сибирского Каз. Войска:

Сотник **Красноусов**

(Декабрь 1967 г. Брисбан. Австралия).

● **В Казачьем Союзе.** 17 дек. 1967 г. в Париже состоялось собрание Каз. Союза во Франции под председательством А. П. Падалкина, на котором был сделан краткий доклад председателем Союза В. М. Кузнецовым о деятельности правления за истекшие годы и оглашены отчет казначея Н. П. Казинцева и отчетный акт Ревизионной комиссии.

Собрание единогласно постановило вынести большую благодарность всему правлению, а в особенности его президиуму за его работу и утвердило акт ревиз. комиссии.

Были произведены перевыборы нового правления: выбранными единогласно оказалось старое правление в составе: председатель В. М. Кузнецов, генеральный секретарь: Н. А. Ломакин, секретарь и казначей Н. П. Казинцев.

УШЕДШИЕ

† 16 сент. 1967 г. в Нью-Йорке скончался войск. старш. П. А. Савич, Оренбургского Каз. Войска.

† 1 авг. 1967 г. в госпитале г. Паусанду, в Урагвае, на 68-ом году жизни скончался инж. П. В. Наталюткин, ст. Усть-Медведицкой В. В. Д.

† 3 авг. 1967 г. в боях в Вьетнаме погиб 22-ухлетний сержант 9-ой пех. дивизии США — Б. Б. Зборовский-Бентли, сын донского казака.

† 13 сент. в Сан-Франциско умер войск. старш. П. Д. Калачев Сибирского Каз. Войска.

† 18 авг. во Франции скончался подхор. И. Е. Устименко 86 лет, ст. Некрасовской Куб. Каз. В.

† 16 сент. в США умер хор. В. М. Поначевный ст. Раевской Куб. В.

† 17 сент. 1967 г. в Патерсоне (США) умер ес. Н. Г. Вдовиченко ст. Славянской Куб. В.

† 15 июля 1967 г. в Зальцбурге (Австрия) скончался подхор. С. И. Ефимов 82 лет, ст. Морозовской В. В. Д.

† 1 окт. в 1967 г. в г. Вайнлэнде скончался Н. И. Щиров, ст. Упорной Куб. В.

† 24 дек. 1966 (позапрошлого) года во Франции умер подхор. В. Ф. Власов Гундоровской станицы ВВД. Похоронен на кладбище Гилиютьер в г. Вилербане.

† 8 ноября 1967 г. в Париже скончался А. И. Филь, станицы Горячеводской Терского Войска.

† 12 ноября 1967 г. в старческом доме в

Дормштате (Германия) скончался И. Сиротин В. В. Д.

† 27 сент. 1967 г. в Намюре (Бельгия) скончался инж. А. А. Заханевич, донской казак, родившийся в Новочеркасске в 1904 г. Покойный окончил в Бельгии Лиежский Университет и был известным и выдающимся инженером. В 1958 г. к Международной выставке по его расчетам был построен знаменитый «Атомium» (115 м. высотой), бывший самым интересным местом выставки. Покойный был исключительно отзывчивым и добрым человеком. Сообщил В. Тевяшов.

† В ноябре 1967 г. в Доме для престарелых в Абондане (Франция) скончались есаул Н. Г. Ягодинцев ст. Невиноминской Куб. В. родившийся в 1893 г. и подхор. А. Н. Чунжинов, Кутейниковской ст. В. В. Д. рождения 1891 г.

† В ноябре 1967 г. в госпитале Монфермей скончался Ф. А. Кострик ст. Прохладной Терского Каз. Войска.

† 4 дек 1967 г. в Шавиле (Франция) скончался полковник П. Д. Калиманов В. В. Д.

† 11 сент. 1967 г. в Австралии неожиданно скончался ген. И. Н. Кононов, казак станицы Новониколаевской В. В. Д., рожд. 1903 г., командовавший во время последней войны одним из казачьих полков, воевавших против советской армии.

† 27 окт. 1967 г. в доме для престарелых в Гани (Франция) скончался М. Манжиков, 68 лет, Платовской станицы В. В. Д.

ДЕНЕЖНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В РЕДАКЦИЮ «РОД. КРАЯ»

(С 1 ноября по 1 дек. 1967 г.)

В Фонд Издательства: С. И. Донсков — 10 долл., Х. — 10 фр., Козин — 6 фр., Боков — 10 шв. фр., г-жа Фетисова — 20 фр., Сетраков и Яшкин — 20 фр., Серебряков — 6 фр., В. П. Романчук — 10 фр.

Дамскому Комитету Каз. Союза: Максимов — 10 фр., Борисов — 10 герм. мар., Нестеров через священника из Мурмелона — 5 фр., П. Приходькова для донских казаков инвалидов — 500 фр.

На издание книги «Генерал Каледин — ге-

рой Луцкого прорыва и Донской Атаман»: М. П. Богаевский — 26 фр., М. Т. Чернявский (4-ый взн.) — 20 фр., А. А. Мозоров (2-ой взн.) — 6 фр., П. Максимов — 26 фр., Н. П. Чижев (3-ий взн.) — 10 фр., В. А. Иванов (из Южной Африки) — 10 рандов., Калмыков — 26 фр., Полковников — 28 фр., г-жа Фетисова (4-ый взн.) — 10 фр., проф. Улитин (3-ий взн.) — 10 долл., Птушенко — 6 фр., П. Клопович (2-ой взн.) — 16 фр., Н. И. Зайцев и Е. И. Рытиков — 26 фр., Г. Русаков (2-ой взн.)

— 16 фр., проф. М. М. Афанасьев (4-ый взн.) — 10 долл., Альников (2-ой взн.) — 7 фр., Я. П. Богаевский — 26 фр., И. А. Евстратов (2-ой взн.) — 6 фр., Союз Дон. Артиллеристов (2-ой взн.) — 3 фр., Е. Е. Ковалев — 7 фр., С.

Дмитров (2-ой взн.) — 1 долл., проф. Чеботарев — 5 долл., А. Косоротов — 26 фр., И. Я. Крюков (2-ой взн.) — 7 фр.

Всех жертвователей просим принять нашу искреннюю благодарность.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РОДИМОГО КРАЯ»

Непринятые рукописи обратно не возвращаются и в переписку о них редакция не вступает. Редакция оставляет за собой право статьи сокращать, не меняя смысла написанного. За статьи, подписанные полным именем автора, редакция не отвечает и они не всегда выражают взгляды редакции.

Корреспонденцию на имя Редакционной Коллегии направлять по адресу:

Mr. Bogaevsky - 230 av. de la Division Leclerc, 95 — Montmorency (France).

Через редакцию «Род. Края» можно выписать:

«Воспоминания ген. А. П. Богаевского» (Ледяной поход) — 12 фр.

Н. М. Мельников — «Ермак Тимофеевич, кн. Сибирский, его сподвижники и продолжатели» — 8 фр. или 2 долл.

Л. Масянов — «Гибель Уральского Казачьего Войска» — 20 фр.

«Митрофан Петрович Богаевский» — сборник статей о Донском Баяне — 16,50 фр. или 3,50 долл.

Н. М. Мельников — «Как извращается история» — 2 фр.

П. М. Аврамов — «Ковылий сказ» — 3 фр.

П. М. Аврамов — «Никифор Кащеев» — 3

фр.

Казачий словарь справочник, 1-ый том — 25 фр.

Н. Н. Туроверов — «Стихи», книга 5-ая — 15 фр.

Н. Н. Воробьев — «Кондратий Булавин» — 15 фр.

Адмиралов — «Казачья трагедия» (1940-1945 гг.) — 12 фр. или 2,50 долл.

В. А. Беляевский — «Голгофа» (Очерки из воспоминаний 1882-1964) — 12 фр. или 2,50 долл.

П. Поляков — «Поэмы» 4 фр.

Казачьи песни (изд. «Каз. старина») — 5 фр.

● Редакция обращается с настоятельной просьбой ко всем своим читателям и подписчикам не задерживаться с внесением подписной платы. Издание «Род. Края» основано исключительно на самокупаемости, при полной безвозмездной работе всех наших сотрудников. То-есть журнал издается на деньги, за него полученные, и на пожертвования отдельных лиц в Фонд Издательства, иначе говоря на деньги самих читателей, от которых и зависит дальнейшее существование «Род. Края».

РОЗЫСКИ

● Лиц, знающих что либо о Семене Федоровиче Кудинове, с хутора Муховаткина, район Миллерово Донской Области, просят написать в редакцию «Р. К.»

● Родные с Дона розыскивают Афанасия Тимофеевича Матвеева станицы Распопинской Дон. Войска и Николая Ивановича Белоусова из города Бердянска. Писать по адресу: A. Kuliagin, 5346 Lee Str. Bristol. Pa. U.S.A.

● Сестра розыскивает брата Валентина Климина рожд. 1904 г. станицы Букановской. Учился в Дон. Кадет. Корпусе в Югославии. Около 1925 г. переехал в Париж, откуда уехал в 1930 или 1932 г. Писать по адресу:

Mrs A. Pachkevitch, 3700 S. W. Donovan Seattle. Math. 98126. U.S.A.

● Сестра розыскивает брата Бориса Станиславовича Катинского, офицера 80-го конного Зюнгарского полка, и друзей Андрея Одинцова, Александра Магутина из Пятиизбянской станицы, оба учились в Калаче, позже были офицерами в Донской Армии, и Анну Бабушкину из Арчеды. Лиц, знающих о их судьбе, прошу написать по адресу: Mme. Oussov-Blonsky, rue № 1. 85, Antsakoviro, Tananative, Madagascar.

● Елена Александровна Погорелко розыскивает брата Михаила Александровича Жилина и его сына Александра, до 2-ой Мировой войны живших в Белграде. Писать по адресу:

Mme. Pogorelko, 55, rue Beklioz, 78 — Velizy-Villacoublay. (France).